

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЬ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. со стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1899 г. III годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 28 Марта.

СОДЕРЖАНІЕ: Реформа Императорскихъ театровъ.— Эпиграмы къ «Горю отъ ума» и «Ревизору». *А. Измайлова.*—Къ вопросу о попечительствахъ народной трезвости.— Зимняя дорога, стих. *А. Петровскаго.*—Хроника театра и искусства.—Гѣнь прошлаго. *Ник. Нелоревъ.*—Круча. *А. Дьянова.*—Провинціальная лѣтопись.— Объявленія.

№ 13.

Рисунки: «Боярыня Шелоба», рис. *А. Ростиславова.*—«Блестящая карьера» (2 рисунка), «*Madame la Maréchale*».

Портреты: Сестеръ Кристманъ, Больской, Зилотти.

Литературно-драматическій отдѣлъ: «Графъ деспандола», ком. Б. Бентовина, стр. 1—16.

Принимается подписка на 1899 г.

НА ЖУРНАЛЬ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

Цѣна за годъ 6 р.

за полгода 4 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и 2 руб.

1-го іюня.

Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера.

С.-Петербургъ, 28 марта.

Какъ извѣстно, въ началѣ марта учреждена подѣ председательствомъ В. П. Погожева комиссія по пересмотру всего положенія объ Императорскихъ театрахъ. Работы комиссіи должны закончиться къ 1 сентября 1900 г., такъ чтобы новый вѣкъ былъ встрѣченъ новымъ положеніемъ объ Императорскихъ театрахъ.

Опредѣленнаго «статута» Императорскіе театры, строго говоря, не имѣютъ. Самое учрежденіе Императорскихъ театровъ образовалось путемъ случайныхъ, такъ сказать, наслоеній. Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія (1735—1736 гг.) возникъ иностранный, исключительно придворный театръ италіанской оперы и балета съ «камеръ-музыкой». Во второй половинѣ столѣтія находимъ уже «Россійскій публичный театръ», съ Сумароковымъ во главѣ. Затѣмъ, къ концу вѣка, «публичный Императорскій театръ» заключаетъ въ себѣ уже русскую драматическую, италіанскую оперную, французскую и нѣ-

мецкую драматическія труппы, балетъ, два оркестра и Театральное Училище. Въ началѣ вѣка основываются московскіе театры и возникаетъ русская опера.

Казенная реформа Императорскихъ театровъ произведена въ 1882 г. Гѣмъ не менѣе, реформа далеко не обнимала всѣхъ сторонъ управленія Императорскими театрами, а изданныя въ отдѣльности въ 1882 г. правила объ управленіи отдѣльными частями, какъ положеніе объ авторскомъ гонорарѣ и Театрально-Литературномъ Комитетѣ, оказались на практикѣ несовершенными. Да и театральная жизнь такъ ушла впередъ за послѣднія 15—20 лѣтъ, столько появилось новыхъ потребностей и интересовъ, что эти правила и положенія представляются устарѣлыми.

Само собою разумѣется, что уставы и положенія, изданные въ началѣ нынѣшняго вѣка и составляющіе значительную часть законодательства объ Императорскихъ театрахъ, звучатъ въ настоящее время сущимъ анахронизмомъ. Такъ, напримѣръ, распредѣляя различные виды артистовъ по 3 разрядамъ въ отношеніи ихъ служебныхъ правъ, положеніе говоритъ о «театрмейстерахъ», «фехтмейстерахъ» и «инспекторахъ газоваго освѣщенія», да и самое дѣленіе «артистовъ», къ которымъ, если не ошибаемся, отнесены даже парикмахеры, лишено серьезнаго, съ современной точки зрѣнія, основанія. Штаты Дирекціи съ 1882 г. не подвергались измѣненіямъ. Въ то же время, бюджета Императорскихъ театровъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, не существуетъ. Бюджетъ въ данномъ случаѣ играетъ весьма значительную роль. Онъ опредѣляетъ не только сумму расходовъ, производимыхъ для казенныхъ театровъ, т. е. чисто финансовую сторону, но выражается въ цифрахъ характеръ дѣятельности Императорскихъ

театровъ, какъ высшаго театральна-художественнаго учрежденія, намѣчаеъ его программу и по степени значительности и производительности трагъ устанавливаетъ непреложныя начала его существованія, цѣли и задачи. Въ этомъ смыслѣ утвержденіе бюджета на опредѣленныхъ основаніяхъ имѣетъ огромное значеніе, полагая прочное начало общегосударственности Императорскихъ театровъ.

Основная мысль, высказанная въ извѣстной запискѣ Островскаго объ учрежденіи новаго государственнаго театра въ Москвѣ, развитая и дополненная въ докладѣ В. П. Карпова на Съѣздѣ сценическихъ дѣятелей, заключается въ необходимости устройства такого театра, который имѣлъ бы предъ собою задачу содѣйствія «пользѣ народной» и строго хранилъ завѣты высшаго художественнаго характера, не всегда совпадающіе съ задачами развлеченія публики. Мысль о такомъ новомъ театрѣ, сама по себѣ вѣрная, теченіемъ событій претерпѣла существенныя измѣненія. «Польза народная» въ тѣсномъ смыслѣ взята на себя попечительствами о народной трезвости и общедоступными театрами. Остается вторая часть программы—учрежденіе театральной Академіи. Императорскіе театры, значительно приближаясь въ настоящее время къ этому типу, могутъ быть легко преобразованы именно въ такомъ духѣ и смыслѣ, и слѣдуетъ питать увѣренность, что коммисія, учрежденная подъ предсѣдательствомъ В. П. Погожева, съ успѣхомъ осуществитъ эту задачу.

Дѣятельность нынѣшней Дирекціи Императорскихъ театровъ у всѣхъ на виду. Что бы ни говорили и какія бы порою мелочныя возраженія ни выставляли по поводу частныхъ ея дѣйствій и распоряженій,—нельзя, однако, не признать, что серьезность и энергія ея, по сравненію съ предшествующими періодами дѣятельности Императорскихъ театровъ, слишкомъ замѣтны даже некомпетентному и малоопытному взгляду. Счастливый подборъ лицъ, и во главѣ ихъ серьезный, заботливый и горячо преданный дѣлу управляющій дѣлами Дирекціи В. П. Погожевъ, много способствовалъ, помимо всякихъ статутовъ и положеній, поднятію художественно-образовательнаго уровня Императорскихъ театровъ. Остается надѣяться, что серьезность и заботливая преданность, выражавшіяся въ практическихъ мѣропріятіяхъ, не пройдутъ безслѣдно при выработкѣ общихъ положеній объ Императорскихъ театрахъ. Говорить, *verba volant*, но въ данномъ случаѣ, когда имѣешь въ виду все то плодотворное значеніе, какое можетъ имѣть выработка общихъ, обдуманыхъ и согласованныхъ съ широкими взглядами, положеній,—слѣдуетъ, пожалуй, выразиться наоборотъ: *verba manent*. Эти слова останутся, и было бы пріятно сознавать, что будущія поколѣнія публики и артистовъ съ благодарностью стануть поминать имена тѣхъ, чьи слова остались...

Эпилоги къ „Горю отъ ума“ и „Ревизору“.

(Историко-литературная справка).

(Продолженіе *).

Какъ для читателя пьесы, такъ и для Чацкаго, бракъ Софьи съ Скалозубомъ представляется странною неожиданностью. Гость ставитъ прямо вопросъ о томъ, какъ могъ совершиться этотъ бракъ, если героиня никогда не благоволила къ своему настоящему мужу. Фамусовъ представляетъ это дѣло результатомъ своихъ личныхъ стараній. Онъ „поставилъ на своемъ“, а теперь мужъ и жена „стерпѣлись, обжились, слюбились...“ Между ними нѣтъ ни войны, ни междоусобій. „Во всемъ согласіе, другъ другу угрожаютъ, посмотритишь—голубки,—ну, точно влюблены!“

Нѣкоторыя подробности относительно настоящаго положенія Софьи сообщаетъ Чацкому графиня Хрюмина, рекомендуя съ отрицательныхъ сторонъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. По ея словамъ, нѣтъ на свѣтѣ женщины „безнравственной, ничтожной и смѣшной“ Софьи. Свадьба ея со Скалозубомъ была положительно комична. Она послала чисто принудительный характеръ. Отецъ дѣйствовалъ сурово и строго. „Годъ цѣлый ни на шагъ онъ изъ своей усадьбы не выпускалъ ее, бранилъ, журилъ, пугалъ“. Было много слезъ, но потомъ подневольная невѣста утѣшилась. Когда мужъ попалъ въ генералы, жена взялась „командовать бригадою и выбирать адъютантовъ“. Въ губерніи, не безъ охидства замѣчаетъ графиня, „предметомъ развлеченій служили ей чиновники особыхъ порученій“. Съ тѣмъ же чувствомъ даетъ она понять Чацкому объ особенной близости ея къ учителю или доктору,—друзьямъ ея дома.

Природные таланты Молчалина къ устройству своей карьеры увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ. Не безъ внутренней гордости Фамусовъ говоритъ объ его возвышеніи. „Корпѣлъ и не щадилъ покоя, теперь отличное мѣстечко взялъ зато,—онъ за столомъ у оберъ-прокурора! Ужъ самъ дѣйствительнымъ давно, и Станислава ждегъ и мѣтитъ въ сенаторы—со временемъ“, Молчалинъ вершитъ всѣ дѣла Фамусова, и послѣдній живетъ безъ всякихъ хлопотъ. Упроченію положенія Молчалина послужила и его женитьба. Красавица жена его является предметомъ пламеннаго обожанія старика Фамусова, находящагося въ полной ея власти. Чуть не съ волненіемъ старикъ описываетъ Чацкому прелести своей Цирцеи и во время пребыванія ея на сценѣ увивается подлѣ нея съ юношескимъ жаромъ. Что касается появленія Молчалина, то даже по внѣшности онъ выглядитъ государственнымъ человѣкомъ. Фракъ и ордена, для него, повидимому, атрибуты, съ которыми онъ вполне сжился. На комплименты графини по поводу его новаго ордена онъ отвѣчаетъ почти презрительной усмѣшкой. „Что крестъ? Товарищъ мой такъ награжденъ арендой, а, кажется, не хуже служимъ мы...“ Практической складъ ума, сказывающійся въ этой фразѣ, яснѣе чувствуется въ другихъ мѣстахъ пьесы и находитъ полное разоблаченіе въ словахъ Хрюминой, откровенно высказывающей, что Молчалинъ и прежде взятки бралъ и теперь грабитъ. И не только по этой материалистической закваскѣ Молчалинъ Растопчиной близокъ къ Грибоѣдовскому Молчалину,—близокъ первый къ послѣдному и по своему ретро-

*) См. № 12.

РУССКАЯ ЧАСТНАЯ ОПЕРА.

«Боярыня Шелого», опера Римскаго-Корсакова.

(Рис. А. Ростиславова).

градно-узкому образу мыслей, достаточно ясно обнаруживаемому, въ особенностяхъ въ отношеніи къ Чацкому, который кажется ему „опаснымъ человѣкомъ“, какъ только онъ узнаетъ, что онъ „пишетъ“.

Графиня Хрюмина является замѣтно постарѣвшею, но сохранившею черты Грибоѣдовскаго типа. Нѣтъ почти ни одного лица, о которомъ бы она не сообщила какихъ-либо компрометирующихъ его свѣдѣній, и Чацкій справедливо называетъ ее змѣею. Ея преувеличенно дружественныя отношенія къ Софьѣ, скрывающія глубокую и брезгливую ненависть, возмущаютъ Чацкаго до глубины души. Разоблачая темныя стороны чужого существованія, Хрюмина, однако же, окутываетъ густымъ флеромъ свое соб-

ственное и представляетъ его въ вымышленно-идеальномъ видѣ, выдавая себя за фрейлину и т. п. Дѣйствительный свѣтъ проливается на нее Софья, сообщая Чацкому, что положеніе графини на самомъ дѣлѣ прямо-таки позорно. Принимаемая изъ милости въ порядочныхъ домахъ, она экономно живетъ на счетъ знакомыхъ, ссорить ихъ посредствомъ своихъ сплетенъ и не только не является желанною гостьей, но считается послѣднимъ человѣкомъ, котораго „терпятъ лишь насильно“.

Совершенную противоположность ей по своему житейскому положенію представляетъ Загорѣцкій. Въ пьесѣ онъ является уже богатымъ откупщикомъ, аферистомъ, миллионеромъ, ростов-

щикомъ, золотопромышленникомъ и т. д. Онъ „гордъ и блистателенъ“, по выраженію Чацкаго, въ своемъ денежномъ ореолѣ. Женившись на богатой вдовѣ, сѣдой купчихѣ, Загорѣцкій, какъ рассказываетъ графиня, выбрался въ люди путемъ умѣлаго обдѣлыванія своихъ дѣлъ. „Спекуляціи его не слишкомъ чисты, замѣчаетъ злословящая всѣхъ Хрюмина, — по тысячамъ, по сотнямъ въ ростъ давалъ“. По смерти жены, Загорѣцкій достигаетъ своего апогея, становится настоящимъ крезомъ и слыветъ желаннымъ женихомъ, не жалѣя средствъ на то, чтобы поддержать свое реномѣ. „Онъ корчитъ Мецената, — дать балы, обѣды... Таровато артистамъ платитъ онъ, самъ чортъ ему не братъ“.

Появленіе Загорѣцкаго на сценѣ производитъ положительно фуроръ. Всѣ бѣгутъ къ нему, относятся къ нему съ величайшимъ подобострастіемъ и цѣлуютъ его лицемѣрными поцѣлуями. Всѣ спѣшатъ вывѣдать отъ него самыя свѣжія новости и извлечь хоть какую нибудь долю пользы изъ своей близости къ этому человѣку „съ вѣсомъ“. Общество засыпаетъ его разнообразными вопросами. „Кому везетъ, кто въ форсѣ, кто въ опалѣ, кто женится, кто развелся съ женой, и нѣтъ ли новенькой исторіи какой?“ Только переведа духъ Загорѣцкій раскрываетъ ротъ и выкладываетъ, дѣйствительно, цѣлый багажъ новостей, заканчивая ихъ сообщеніями о положеніи дѣлъ присутствующихъ лицъ. Скалозубу объявляется объ избраніи его въ откупщики, Натальѣ Дмитриевнѣ Горичевой—о приготовленіи для нея двухъ акцій въ присахъ и т. п.

Пріѣздъ Чацкаго въ Москву и встрѣча его съ лицами, не видѣвшими его двадцать пять лѣтъ, представляется для послѣднихъ событіемъ совершенно безразличнымъ. Общественное положеніе его для людей того круга, въ который онъ попадаетъ, кажется мало интереснымъ. „Ты что за человѣкъ, напрямикъ высказывается Фамусовъ передъ Чацкимъ, — бездѣтень, безъ жены, имѣнья не удвоилъ, въ чины не попадалъ, — какой же толкъ въ тебѣ?“ Безъ особеннаго благоволенія относится къ нему и Скалозубъ, немедленно послѣ встрѣчи замѣчающій „въ сторону“, что новый гость кажется ему „пустѣйшимъ человѣкомъ“. Даже Софья, которой, повидимому, могъ бы представляться интереснымъ прежній поклонникъ, относится къ нему довольно безучастно и произноситъ о немъ сужденіе, никоимъ образомъ не лестное. Правда, она показываетъ видъ, что пріятно изумлена встрѣчей, — „и вѣрю, и не вѣрю, будто чуду, дивлюсь диковинкой“, — но тутъ же замѣчаетъ, что ея прежній обожатель — „брызга какой-то одичалый“. Воспоминаніе

о прежнихъ отношеніяхъ побуждаетъ Софью сгладить неблагоприятное впечатлѣніе, оставшееся въ Чацкомъ. „За прошлое вы обижаться въ правѣ, начинается она,—а я хочу вамъ объяснить...“ По Чацкій энергично отказывается отъ всякаго рода объясненій, которые онъ находитъ излишними и ненужными. Онъ не хочетъ вспоминать „о дѣтскихъ приключеніяхъ“. „Какъ въ четверть вѣка не забыть! восклицаетъ онъ, — я не злопамятенъ“. Въ особенности теперь, когда онъ уже „сѣдъ и лысъ, холоденъ и старъ“, и любовь кажется ему глупостью, онъ не хочетъ поднимать старыхъ воспоминаній. „Завидя васъ ничто не бьетъ тревогу, откровенно заявляетъ онъ Софьѣ,— любить могу душой не женщину,—людей“. И Софья отходитъ отъ него, какъ отъ „медвѣдя“, рекомендуя только своимъ дочерямъ быть любезнѣе съ завиднымъ женихомъ. „Онъ долго что-то смотритъ на тебя, замѣчаетъ она своей дочери Вѣрѣ, — авось... мнѣ не пришлось,—ты будь его женою“.

Вслѣдъ за ознакомленіемъ читателя съ измѣнившимся положеніемъ героевъ „Гори отъ ума“, нѣсса Гастончиной даетъ развитіе уже совершенно новой интриги и посвящается полемическимъ цѣлямъ автора. Новые лица, выводимыя на сцену, являются въ полномъ смыслѣ воплотителями того или иного, однаково несимпатичнаго послѣднему современнаго направленія. На первомъ мѣстѣ изъ этихъ героевъ стоитъ учитель Софьиныхъ дочерей, гнѣбо Петровъ. Всѣ смотрятъ на него, какъ на человека ученаго и литературнаго, но подъ этою казавою стороною скрывается очень мало симпатичная натура. Это „инколяръ завистливый“, по опредѣленію Платона Михайловича Горичева. Завистливая ревность сквозитъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ и фразахъ. Только что успѣвшій появиться на сценѣ Чацкій уже возбуждаетъ его зависть. Горичева называетъ Петрова „безбожникомъ и либераломъ“ и задаетъ Софьѣ вопросъ, какъ только она могла взять въ свой домъ такую изву. Развязка пьесы показываетъ, что полестнымъ мнѣніемъ дѣйствующихъ лицъ объ этомъ горѣ совершенно согласны съ истинною.

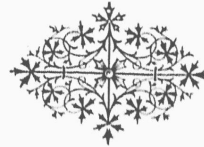
Антиподомъ западника-Петрова является въ пьесѣ руссофилъ Элейкинъ, „умнѣйшій человекъ, мудрецъ“, долженствующій прославить Россію, по убѣжденію Натальи Дмитриевны. Всѣ окружающіе бросаются съ благоговѣйнымъ почтеніемъ къ этому „поэту“ и „великому гражданину“, „москвичу душой и сердцемъ славянину“. Въ обрисовкѣ Элейкина ясны карикатурныя черты, и въ извѣстныхъ деталяхъ чувствуется носкромность памфлетиста. Самая паружность его преувеличенно колоритна. Влѣдныи и сухощавый, съ длинными волосами, бородой и усами, онъ одѣтъ въ черную бархатную поддевку, красныя шаровары и сапоги на подковахъ и держитъ въ рукахъ мурмолку. Не менѣе карикатурно и его прошлое, и его дѣйствія, и рѣчи во время пребыванія на сценѣ. Съ цѣлью выкинуть въ духъ народа, Элейкинъ ходитъ, по словамъ той же Натальи Дмитриевны, на рынки, въ харчевни и трактиры, учитъ у собора раскольниковъ... Съ первыхъ словъ онъ обнаруживаетъ намѣреніе поучать присутствующихъ и говорить восторженно и возвышенно. Въ словахъ его много тартофства и безцеремоннаго самохвальства. Онъ провозглашаетъ себя пророкомъ, чуждымъ всякой суекры, отдавшимъ жизньъ святому дѣлу—пораженію порока и указанія пути собратьямъ. Придя въ витузіазмъ, онъ изрекаетъ истины („Россіи не хочу я знать, — люблю лишь Русь“), съ восторгомъ подхватываемыя слушателями, для которыхъ ораторъ кажется „ангеломъ, а не человекомъ“.

Наиболѣе ревностными сторонниками, ломающаго въ экстазѣ стулья Элейкина, представляются Платонъ

Михайловичъ и Наталья Дмитриевна Горичевы. Они появляются на сценѣ одна въ сарафанѣ, душегрѣйкѣ и повойникѣ, другой — въ русскомъ кафтанѣ, сапогахъ и мурмолкѣ, такъ что изумленный Чацкій, при видѣ ихъ, съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: „что это? святки, маскарадъ?“ Ультра-патріоты и ультра-славянофилы, тотъ и другая, не чужды и ханжества въ духѣ Элейкина. Наталья Дмитриевна рекомендуетъ себя добровольною сидѣлкой. „Намедни тетушка за чаемъ обожглась, говоритъ она, — и очень больно самоваромъ. Такъ чтобъ за ней ходить, я все жила у ней. Мы провели безъ сна одинадцать ночей; я ей читала вслухъ изъ святцевъ...“ И мужъ, и жена проинкнуты идеалистическими мечтами о будущемъ своей родины. „За Западомъ гнилымъ зачѣмъ идти намъ слѣдомъ? У насъ свой русскій духъ, у насъ свой русскій умъ“. Подобно жемъ, произносящей эти слова, настроенъ и самъ Горичевъ, высказывающей надежду воскресить обычай старины, внести русское воззрѣніе въ науку и т. д.—что даетъ основательный поводъ Чацкому замѣтить, что онъ и одѣтъ, какъ шутъ, и болтаетъ, какъ изувѣръ.

А. Измайловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ вопросу о попечительствахъ народной трезвости.

(Голосъ изъ провинціи).

Въ статьѣ „Вопросы народнаго театра“ журналъ касается дѣятельности комитетовъ попечительства о народной трезвости и возлагаетъ на нихъ надежду поставить на должную высоту дѣло народнаго театра въ провинціи. Позвольте мнѣ, какъ человеку, довольно долго живущему въ провинціи, замѣтить, что комитеты эти, несмотря на свой широкій уставъ, обнаруживаютъ весьма мало жизнедѣятельности и въ средѣ свою постороннихъ, могущихъ быть полезными, людей не привлекаютъ. Происходитъ это, главнымъ образомъ, изъ боязни, что придется что либо предпринимать, между тѣмъ какъ предпочтительнѣе обходиться официальными засѣданіями, да открытіемъ чайныхъ и читаленъ при нихъ, крайне ограниченныхъ по выбору книгъ. Поговорю о театрѣ. Вотъ картина нашей театральной дѣятельности. Помѣщенія, болѣе или менѣе приличнаго, въ нашемъ городѣ нѣтъ, а потому любители, воспользовавшись городскими казармами, поставили сцену, помѣщеніе декорировали флагами и елками, несодатайствовали постановку чугунныхъ печей, такъ какъ помѣщеніе это почти холодно, и начали ставить спектакли отъ 3 до 6 въ зиму. Надо отдать справедливость, спектакли обставляются хорошо, и репертуаръ хорошій, и публика охотно шла на спектакли, а благодаря дешевизнѣ мѣстъ, и сѣрая публика. Но вотъ въ послѣднее время въ виду того, что многіе любители отъ насъ уѣхали, инициаторы придумали новую комбинацію, рѣшили привлечь къ этому дѣлу всѣхъ желающихъ безъ разбора ихъ общественнаго положенія, и обратились въ попечительство, предлагая послѣднему устроить народный театръ, проси средствъ для подновленія декораций и на вечеровые расходы, такъ какъ цѣны положено было понизить еще болѣе и довести послѣдніе ряды до 5 коп. Попечительство денегъ дало и взяло новыхъ любителей подъ свое покровительство, и на этихъ основаніяхъ прошли 2 спектакли. Сборы были неполные и какъ разъ равнялись вечеровому расходу. Видимому, дѣло наладилось, были розданы роли на дальнѣйшіе спектакли, предполагались къ постановкѣ „Богатырь“, „Женихъ изъ пожовой линіи“, „Грѣхъ да бѣда“, „Бѣдность не пороки“, какъ вдругъ случилась бѣда. Г. исправникъ дальнѣйшія афиши разрѣшить не пожелалъ, находя неправильной ихъ редакцію; „комитетомъ попечительства о народной трезвости данъ бюджетъ спектакль“, по его мнѣнію, слѣдовало писать „въ пользу комитета“.

На это устроители, однако, не согласились, исходя изъ того соображенія, что комитетъ, пользуясь казенной субсидіей, въ средствахъ не нуждается, да и сборы по минимальнымъ цѣнамъ бываютъ такіе, что только что покрываютъ расходъ. Долго тянулись пререканія. Предложили еще комбинацію, именно писать на афишѣ „комитетомъ на основаніи параграфа такого-то его устава будетъ и т. д., но и это ни къ чему не повело. Исправникъ подписывать афиши категорически отказался. Очевидно, мѣстная администрація не желаетъ считать этотъ комитетъ учрежденіемъ, а усматриваетъ въ немъ частнаго предпринимателя. Спектакли прекратились. Комитетъ со своей стороны о дѣйствіяхъ исправника сообщилъ Губернскому комитету и просилъ разъясненій, но до сихъ поръ отвѣта не получено.

Вотъ безристрастно изложенная картина дѣятельности нашего комитета, а нашъ—не исключеніе. На комитеты возложена правительствомъ огромная надежда, какъ на учрежденіе, долженствующее оздоровить массу, а у насъ это учрежденіе не въ состояніи справиться съ г. исправникомъ.

По поводу этихъ спектаклей не могу не сообщить еще одинъ интересный документъ. Среди нашей молодежи не послѣднюю роль играютъ представители педагогическаго міра, а потому было крайне желательно ихъ видѣть среди исполнителей, но мѣстное начальство на это взглянуло далеко не благосклонно, а поэтому отъ предсѣдателя почетнаго Совѣта мѣстной женской прогимназіи, по постановленію послѣдняго, было направлено ходатайство къ попечителю округа о разрѣшеніи учителямъ и учителямъ играть въ благотворительныхъ и народныхъ спектакляхъ. Вскорѣ полученъ слѣдующій отвѣтъ. „Вслѣдствіе представленія отъ 2 сего января за № 1 имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что участіе лицъ педагогическаго совѣта учебныхъ заведеній въ платныхъ спектакляхъ и литературно-музыкальныхъ вечерахъ, хотя бы и съ благотворительной цѣлью, я признаю неудобнымъ въ педагогическомъ отношеніи“.

Такъ обстоитъ дѣло, не говоря уже о всякаго рода другихъ противодѣйствіяхъ.

Зимняя дорога.

(Посв. М. М. Д.).

Мнѣ грустно и легко; печаль моя
свѣтла,
Печаль моя полна тобою.
Пушкинъ.

Опять въ степи. И вотъ на встрѣчу вновь
Глухая степь безбрежною равниной...
Душа моя полна иной картиной,
Печаль въ душѣ моей, въ душѣ моей—любовь.

По снѣжной пеленѣ алмазы разсыпая,
Холоднымъ пламенемъ въ небесной вышинѣ
Блещутъ солнышко, и въ мертвой тишинѣ
Лишь колокольчики гудятъ, не умолкая.

Подъ говоръ ихъ, какъ степь однообразный,
Воспоминанія въ умъ моемъ встаютъ...
То влизятся къ душѣ, то снова отойдутъ,
Рожденныя волненіемъ мысли праздной.

Чѣмъ больше въ нихъ рисуется картинъ
И милыхъ образовъ,—печаль моя сильнѣе;
Но ярче всѣхъ, всѣхъ ближе, всѣхъ милѣе
Изъ этихъ образовъ—одинъ.

Онъ здѣсь, передо мной, онъ на меня глядитъ,
Чаруетъ сердце такъ и такъ его терзаетъ!
Печальный взоръ такъ много выражаетъ,
Безъ словъ такъ много говоритъ!.

Все дальше въ степь... До цѣли далеко...
За мной бѣгутъ мои воспоминанья;
Въ нихъ горя нѣтъ, въ нихъ нѣтъ страданья.
И на душѣ отъ нихъ мнѣ грустно и легко.

Печаль въ душѣ моей, въ душѣ моей любовью.
Душа живетъ далекою картиной...
А степь безбрежная сверкающей равниной,
Алмазами горя, бѣжитъ на встрѣчу вновь.

А. Петрооскій.

ХРОНИКА

Театра и искусства.

Въ комиссію, работающую надъ вопросомъ о театральной реформѣ подъ предсѣдательствомъ В. П. Погожева, назначены членами отъ канцеляріи министра Императорскаго Двора д. с. с. Злобинъ, отъ кабинета Его Императорскаго Величества—с. с. Струковъ, за юрисконсульта—его помощникъ, г. Коковихинъ, отъ контроля министерства Двора—г. Рюдманъ.

* * *

Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ утверждены уставъ артели арендаторовъ театральныхъ вѣшалокъ. Согласно уставу, членами артели могутъ быть только лица мужского пола, совершеннолѣтнія, не старше 60 лѣтъ, безукоризненнаго поведенія, причѣмъ принадлежность къ артели обусловливается личнымъ участіемъ въ занятіяхъ артели. Артель подчиняется непосредственному надзору мѣстныхъ полицейскихъ властей и несетъ полную отвѣтственность за ввѣряемое ей храненію въ общественныхъ и увеселительныхъ мѣстахъ платѣ посѣтителей. Кромѣ храненія платя, артели предоставляется право продажи афишъ и исполненіе различныхъ порученій публики.

* * *

Гастроли М. Г. Савиной въ Кіевѣ сопровождалась небывалымъ успѣхомъ. Послѣдній спектакль былъ ознаменованъ рядомъ овацій. Поклонники нашей прекрасной артистки поднесли ей слѣдующій адресъ:

Высокоталантливая

Марія Гавриловна!

Ваше кратковременное пребываніе у насъ оставило неизгладимый слѣдъ въ сердцахъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье видѣть тѣ высокохудожественные образы, которые Вы передъ нами творили. Вашей вдохновенной, полной обаятельной граціи игрою Вы восторжествовали тысячи сердецъ, которые дрогнули передъ величіемъ русскаго искусства и русскаго таланта. Теперь Вы отправляетесь въ чужіе далекіе края. Вы—слава нашей родины—хотите тамъ поднять знамя русскаго искусства. Позвольте же, дорогая Марія Гавриловна, пожелать Вамъ на прощанье выполнить съ полнымъ успѣхомъ Вашу высокую задачу во славу русскаго искусства.

23 марта, какъ извѣстно, начались гастрольные спектакли М. Г. Савиной въ Берлинѣ. Шла „Чародѣйка“. Сборъ былъ совершенно полный. Петербургскіе друзья артистки ждали съ нетерпѣніемъ телеграммы, которая была получена въ среду утромъ и свидѣтельствовала о выдающемся успѣхѣ М. Г. Савиной. Артисткѣ поднесли двѣ корзины и два букета, въ томъ числѣ отъ артистовъ Лессингъ-театра. По окончаніи пьесы, М. Г. Савина была вызвана 7 разъ, что считается для Берлина успѣхомъ огромнымъ. Второй спектакль состоялся въ Королевскомъ театрѣ, въ присутствіи избранной публики. Шла „Василиса Мелентьевна“.

Въ газетѣ «Berliner Tageblatt» находимъ слѣдующій отзывъ о первомъ выходѣ М. Г. Савиной.

«Въ лицѣ г-жи Савиной мы вчера познакомились съ высокоинтересной художницей совершенно оригинальной и индивидуальной складки. Она появилась въ роли русско-деревенской хозяйки на берегу Оки или Волги—что-то вродѣ Локандьеры (?!), которую такъ кокетливо и притягательно играетъ Дузе, или вродѣ гейневской Лорелеи—въ цѣломъ же нѣчто столь своеобразное по національному колориту, что крайне трудно сразу уловить общій характеръ ея игры. Но я увѣренъ, что въ теченіе гастролей Савиной мы не разъ еще будемъ имѣть случай оцѣнить талантъ съ разныхъ сторонъ».

Затѣмъ, посвятивъ нѣсколько словъ „Чародѣйкѣ“, въ которой рецензентъ справедливо усматриваетъ „аппаратъ мелодрамы“,—онъ продолжаетъ:

«Русская колонія собралась въ театрѣ въ большемъ числѣ. Можетъ быть, и изъ нѣмецкихъ зрителей были такіе, которые понимали кое-что въ ямбахъ трагедіи. Актеры всѣ упражнялись въ очень явственной дикціи, но въ общемъ, для огромнаго большинства присутствовавшихъ, спектакль представлялъ не что иное, какъ высшій родъ пантомимы. Удивительно, какъ каждое душевное движеніе Савиной можно угадать по ея глазамъ и интонаціямъ голоса. Глаза—самое замѣчательное у этой артистки, исключительной красоты, величины и выразительности. Они находятся безпрестанно въ дѣйствіи, гораздо болѣе, нежели ротъ, остающійся закрытымъ и иногда складывающійся въ язвительную демоническую улыбку. Голосъ звучный и гибкій. Движенія характерны и не шаблонны. Элегантна Савина была не болѣе, чѣмъ это требовалось для типа деревенской красавицы».

О других исполнителях „Berliner Tageblatt“ отзывается сдержанно. Sie spielten sehr viel Theater, как довольно мѣтко выражается газета. Затѣмъ, упоминая о нѣсколькихъ удачныхъ моментахъ въ игрѣ г. Горева, о непринужденно-комическомъ тонѣ г. Озаровскаго, и даже объ увѣренности тона г. Борисова, рецензентъ нѣсколько подробнѣе останавливается на г. Аполлонскомъ, игравшемъ княжича Юрія.

Г. Аполлонскій игралъ княжича Юрія, на подобіе французскаго дворянина изъ романа Дюма-фиса. Ему это было очень къ лицу, но этотъ парижскій (?) пріемъ рѣшительно не шелъ къ Поволжью XVI столѣтія. Мы ожидали отъ русской труппы совершенно иного. Русскіе стоятъ во главѣ натуралистическаго движенія, и удивительно, что они явились съ такимъ устарѣлымъ сценическимъ аппаратомъ (Vulvenapparat). Остается заключить, что русскія сцена связана еще условностями, которыя давно оставили позади Толстой, Достоевскій и ихъ сподвижники въ своихъ романахъ.

Въ этихъ замѣчаніяхъ много справедливаго, и хотя вторымъ спектаклемъ шла „Василиса“, приписанная Осгровскому цѣликомъ, тогда какъ онъ только „руку приложилъ“, но „Василиса Мелентьева“ не менѣе мелодрама, чѣмъ „Чародѣйка“, и „открытыя шпезма“ къ г-жѣ Савиной сдѣлала свое дѣло. Просили показать русскія пьесы — ихъ показывали. Правда, это болѣе оперныя либрето, нежели пьесы, но за то „изъ перерусскихъ русскія“ и на сценѣ даже пилоты шаровары... Вѣднѣй г. Аполлонскій, котораго, благодаря Шпажинскому и его сценическому аппарату, приняли за д'Артаньяна изъ „Трехъ Мухометовъ“, и не помогли ни шелковая рубашка, ни кованые серебромъ сапожки!..

Отзывъ „Börs. Cour.“, болѣе сдержанный, чѣмъ отзывъ „Berlin. Tageblatt“. Рецензентъ указываетъ, что роли драматическія въ тѣсномъ смыслѣ, роли страдающихъ женщинъ, вѣроятно, болѣе подходятъ дарованію Савиной. Во всякомъ случаѣ, нельзя считать удачной мысль открытыя спектакли въ Берлинѣ „Чародѣйкой“. Впрочемъ, г. Шпажинскій — предсѣдатель Общества драматическихъ писателей. A chaque seigneur tout l'honneur...

* * *

Въ воскресенье, 21-го марта, открылись общедоступныя развлечения въ народномъ театрѣ Сиб. городского попечительства о народной трезвости въ бывшемъ помѣщеніи Стеклннаго завода.

Въ 8 час. вечера въ народный театръ прибыли Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Владиміръ Александровичъ и Константинъ Константиновичъ, Принцъ Константинъ Петровичъ Ольденбургскій и герцогъ Лейхтенбергскій.

Августѣйшія Особы были встрѣчены Его Высочествомъ Принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ съ состоящими при немъ чинами и членами Сиб. город-

скаго попечительства. Къ пріѣзду Ихъ Высочествъ театръ былъ полонъ какъ высокопоставленными приглашенными, такъ и приглашенными изъ рабочаго сословія. Вскорѣ взылся западѣть и предъ глазами зрителей появилась вся труппа городского попечительства о народной трезвости во всевозможныхъ русскихъ и иностраныхъ костюмахъ. Въ глубинѣ сцены видѣлось изображеніе грандіознаго памятника тысячелѣтія Россіи, находящагося въ Новгородѣ. Всѣ артисты подъ аккомпанементъ оркестра исполнили гимнъ, который при восторженныхъ кликахъ „ура“ былъ дважды повторенъ. По окончаніи гимна, помощникъ режиссера приступилъ къ народному чтенію изъ исторіи Россіи, составленному поручикомъ л.-гв. московскаго полка С. П. Перцовымъ. Въ началѣ чтенія на громадномъ экранѣ были показаны двѣ карты Россіи, изъ которыхъ первая изображала Россію при ея возникновеніи, а другая — настоящую эпоху. На первой — русскія владѣнія показаны краснымъ пятномъ, которое на второй картѣ разливается по всей территоріи, занимаемой нынѣшнимъ государствомъ. Затѣмъ при дальнѣйшемъ чтеніи были выставлены художественныя и громадныя, во всю сцену, живыя картины, иллюстрирующія историческія событія. Назовемъ слѣдующія: Прізываніе князей Варяжскихъ, Олегъ подъ Царьградомъ; Крещеніе Руси; Чтенію народу „Русской правды“; Дмитрій Донской предъ Куликовской битвой; Взятіе Казани; Покореніе Сибири Ермакомъ; Осада Троицкой лавры; Воззваніе Минина къ нижегородцамъ; Прізываніе на царство Михаила Феодоровича Романова; Спасеніе ботика „Дѣдушка русскаго флота“; Основаніе Петербурга; Присоединеніе Крыма; Походъ Суворова въ Италію; Отечественная война 1812 года; Взятіе Парижа; Освобожденіе крестьянъ; Гласное судопроизводство; Всеобщая воинская повинность; Война съ Турціей за освобожденіе славянъ и др. Чтеніе закончилось постановкою красиваго апофеоза „Слава и миръ“.

Во время чтенія было сдѣлано два антракта. Отъ Двора Принца Александра Петровича Ольденбургскаго былъ сервированъ роскошный открытый буфетъ и наверху — парадный чайный столъ, къ которому Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій пригласилъ всѣхъ присутствовавшихъ въ театрѣ, какъ высокопоставленныхъ лицъ, такъ и представителей рабочихъ.

* * *

Въ субботу, 20 марта, въ Михайловскомъ театрѣ для бенефиса г-жи Деклоза была представлена трехъактная комедія пьеса Альфреда Лемонье и Луи Перико „Madame la Maréchale“, впервые поставленная 8 іюня 1891 г. на сценѣ парижскаго театра „Ambigu“ и дѣлавшая тамъ долгое время полныя сборы. Успѣхъ пьесы былъ настолько великъ и заманчивъ, что Викторенъ Сарду не постѣннелъ написать „Madame Sans Gêne“, во многомъ напоминающую произведеніе Лемонье и Перико. Авторы пьесы обвинили Сарду въ плагиатѣ, и это обстоятельство надѣлало въ свое время не мало шума въ парижской печати.

Для тѣхъ, кто видѣлъ комедію Сарду, сюжетъ пьесы не представляеть особаго интереса, а такъ какъ ее видѣли почти всѣ, то мы и не будемъ на немъ останавливаться. Скажемъ только, что она весела, мѣстными остроумна и даетъ артистамъ возможность показать свое умѣніе носить костюмъ.

Театръ былъ наполовину пустъ, вѣроятно, по случаю юннскаго праздника, устроеннаго французскимъ благотворительнымъ обществомъ въ Маринскомъ театрѣ.

* * *

По словамъ одесскихъ газетъ, въ Одессѣ въ этомъ сезонѣ совершенно не будетъ русской драмы. Труппа Соловцова, къ которой Одесса такъ привыкла, отказалась пріѣхать въ Одессу.

Предварительный контрактъ, заключенный съ

Репертуаръ Михайловскаго театра. «Madame la Maréchale».

Сестры Кристманъ.

г. Сибиряковымъ, г. Соловцовъ расторгнулъ. О дѣятельности г. Сибирякова, впрочемъ, достаточно ужь извѣстно. Но хороша эта одесская дума, которая ничего знать не хочетъ, кромѣ итальянской оперы, потому что *bel canto* помогаетъ пищеваренію одесскихъ экспортеровъ.

Ну, городъ!..

* * *

Концертировавшія недавно съ успѣхомъ въ Петербургѣ и Москвѣ сестры Габріэль и Эмилія Кристманъ, бывшія ученицы с.-петербургской консерваторіи, приглашены, какъ намъ передаютъ, въ Императорскую московскую оперу. Контрактъ заключенъ на два года съ платою, какъ говорятъ, по 10,000 р. въ годъ.

* * *

Оперное товарищество въ «Аркадіи», находящееся подъ управленіемъ г. Максакова, объявляетъ конкурсъ для торжественной кантаты въ честь памяти Пушкина. Кантата должна быть для солистовъ, полного хора и оркестра; выборъ текста предоставляется композитору; премія назначается въ 300 рублей. Кантата будетъ исполнена 26-го мая оперною труппою театра «Аркадіи». Срокъ представленія кантаты—9 мая.

* * *

† Н. В. Макшеева. 18-го марта скончалась пользовавшаяся въ свое время громкою извѣстностью бывшая артистка Императорскихъ театровъ Надежда Васильевна Макшеева, рожденная Самойлова, родная сестра артистки В. В. Самойловой-Мичуриной и В. В. Самойлова, дочь извѣстнаго тенора В. М. Самойлова и выдающейся оперной артистки С. В. Черниковой. Покойная родилась въ 1823 г., получила хорошее воспитаніе и съ дѣтства обнаружила недюжинныя вокальныя и сценическія способности. Впервые она дебютировала въ 1838 г., будучи пятнадцатилѣтней дѣвочкой, въ бенефисъ своей матери, въ водевилѣ П. И. Григорьева-перваго: „Матушкина дочка“. Въ сороковыхъ годахъ, во время господства водевилей, покойная пользовалась громкой извѣстностью. Для нея писались особые водевили („Цыганка“ Н. И. Куликова) или вставлялись цѣлыя сцены съ куплетами („Вѣдовая дѣвушка“). Въ 1848 г. Н. В. вышла замужъ за лейтенанта гвардейскаго экипажа, Макшеева, который изъ-за этого долженъ былъ оставить службу, такъ какъ въ то время женитьба офицеровъ на актрисахъ считалась невозможною. Помимо службы на Императорской сценѣ, Н. В. съ успѣхомъ гастролировала въ Москвѣ и въ большія провинціальныхъ городахъ. Прощальный ея бенефисъ состоялся въ 1859 г., когда она играла любимую свою роль Маріи въ „Дочери второго полка“. Этому бенефису В. Г. Бенедиктовъ посвятилъ красивое и по обыкновенію трескучее стихотвореніе. Съ тѣхъ поръ Н. В. жила на покой, окруженная любовью и уваженіемъ своихъ родныхъ и многочисленныхъ знакомыхъ. Перу Н. В. принадлежитъ передѣлан-

ный съ французскаго водевилъ „Дядюшка въ хлопотахъ“, кромѣ того, она написала нѣсколько музыкальныхъ пьесъ.

* * *

Въ понедѣльникъ, въ Михайловскомъ театрѣ состоялся первый экзаменаціонный спектакль воспитанниковъ Театральнаго училища, по классу П. Д. Ленскаго. Шли «Въ старые годы» и «Женская чепуха». Подготовка учениковъ показала намъ вполнѣ достаточной, но дарований не замѣтно. Изъ ученицъ экзаменовались г-жи Ашанина, Черкасова, Карелина и Топорская; изъ учениковъ—гг. Крашенинниковъ и болгаринъ Ганчевъ. Скажемъ о каждомъ изъ экзаменовавшихся нѣсколько словъ.

Г-жа Ашанина—брюнетка съ выразительною внѣшностью, немного рѣзкими манерами и наклонностью къ тому антихудожественному жанру, въ которомъ больше метанія и экзальтации, чѣмъ внутренняго чувства. Словомъ, для г-жи Ашаниной «любимымъ образцомъ» является г-жа Яворская, что крайне печально, разумѣется, ибо способности г-жи Ашаниной могутъ пойти по дурной дорогѣ и совершенно извратиться. У нея есть извѣстная экспрессія, и болѣе активная, нежели пассивная. Для *ingénue*—она слишкомъ порывиста и недостаточно гармонична. Образъ Маши былъ ею представленъ поэтому въ довольно неправильномъ освѣщеніи.

Совершенно правильный пріемъ сценическаго наведенія, такъ сказать, обнаружила г-жа Карелина въ роли Клавдіи: фигура, голосъ, манеры вполнѣ пригодны для бытовыхъ ролей. Экспрессія слабая, но способы правильные. Намъ думается, поэтому, что изъ Карелиной можетъ выработаться порядочная артистка на бытовые роли, такъ же, какъ и изъ г-жи Топорской (Акульки). Г-жа Черкасова избрала образцомъ г-жу Савину и очень ловко ее передразниваетъ («Женская чепуха»). Наружность и манеры—сценическія. Голоса у всѣхъ довольно ординарные; дикція у всѣхъ явственная. «Держать настроеніе» большая часть ученицъ не умѣетъ, что особенно выражается въ уходахъ, которые поражаютъ своимъ спокойствіемъ послѣ горячихъ сценъ.

Гг. Крашенинниковъ—старательный, но довольно безцвѣтнѣй исполнитель. Мѣшаетъ ему также неблагоприятная фигура. Голосъ разработанъ хорошо. Что касается болгарина Ганчева, то въ его игрѣ слишкомъ много непосредственности и милой наивности полу-культурнаго народа, къ которому онъ, принадлежить. Какъ пионеръ драматическаго искусства у себя на родинѣ, онъ, вѣроятно, принесетъ извѣстную пользу. А. К.

* * *

Московский театръ «Эрмитажъ» снятъ г. Ленни. Въ составъ труппы входятъ: г-жи Кукова, Воронцова-Ленни, Каренина, Тарская, Чекалова, Строева, Добровольская, Мельникова, Адашева, Погребова, Зимина, Ларина и др.; гг. Ленни, Сабуровъ, Скуратовъ, Смоляковъ, Неждановъ, Фокинъ, Налъскій, Волоховъ, Павловъ, Мешерскій, Шатковскій, Грузинскій, Крамолловъ, Калита и др. Репертуаръ—фарсъ и легкая комедія.

* * *

Воронежскій театръ остался окончателно за г. Линтваревымъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ дума сдала ему театръ заочно. Затѣмъ г. Линтваревъ подалъ въ думу заявленіе, въ которомъ ходатайствовалъ, чтобы городъ принялъ на свой счетъ приобретение необходимаго имущества и ремонтъ театра. Это заявленіе разсматривалось думой въ экстренномъ засѣданіи 9-го марта, и ходатайство Линтварева принято думой большинствомъ 51 голоса противъ одного.

* * *

Въ Петербургѣ, по свѣдѣніямъ газетъ, образовалась крупная компанія, съ капиталомъ до 2½ милліоновъ рублей, для постройки въ столицѣ новаго театра имени А. С. Пушкина. Судя по составленному уже проекту, театръ этотъ будетъ однимъ изъ грандіознѣйшихъ сооружений Петербурга и предназначается преимущественно для оперныхъ спектаклей. Торжество закладки театральнаго зданія предполагается приурочить къ 26-му мая—дню столѣтней годовщины рожденія Пушкина.

Если слухъ вѣрнъ, то ему нельзя не порадоваться. Недостатокъ театральнаго зданія въ Петербургѣ ощущается съ каждымъ годомъ сильнѣе и сильнѣе.

* * *

Оперная артистка г-жа Мелодистъ прибыла въ Петербургъ, послѣ сезона въ Перми. Лѣто талантливая артистка намѣрена посвятить отдыху.

* * *

Въ среду состоялась «семейный вечеръ» Литературно-артистическаго Кружка. Вечеръ состоялъ въ концертѣ, который начался въ 11 ч. и закончился въ 2 ч. Въ концертѣ принимали участіе многіе артистки и артисты, но нельзя сказать, чтобы было очень весело. Прелестную комедію Ожье «Le post-scriptum» г-жа Барети и г. Вальбель сыграли довольно грубо,—такъ, какъ играютъ «Контролера вагоновъ» и «Даму отъ Максима». Тонъ «высокой комедіи», повидимому, утраченъ артистами нашего французскаго театра. Г-жа Яворская, съ нѣкоторыхъ поръ считающая себя заступницею и печальницею русской литературы, прочитала стихотвореніе Лермонтова на смерть Пушкина. Это немного жестоко для «семейнаго вечера»...

* * *

Гдѣ у насъ весело «во дни унылые Великаго поста?»

Болѣе или менѣе—у Неметти. Здѣсь оперетка, здѣсь г-жа Вяльцева и г. Пальмъ. Поставленная недавно мелодичная оперетка «Дочь фараона» дала нѣсколько полныхъ сборовъ. Обстановка вполне приличная, что называется, «по средствамъ». Натураленъ крокодилъ, который только что не плачетъ настоящими крокодиловыми слезами. Г. Пальмъ въ роли стараго фараона все еще нравится публикѣ, потому что голосъ у него по прежнему «кукуреку» и подлѣ г-жи Вяльцевой старыи антрепренеръ какъ-то молодеетъ...

Г-жу Вяльцеву я видѣлъ въ «Прекрасной Еленѣ» и во многихъ другихъ роляхъ,—и вездѣ, съ тамбуриномъ Периколы, въ нарядѣ Елены, въ уборѣ «дочери фараона» она оставалась Стешей изъ «Цыганскихъ пѣсенъ», у которой «всѣ кошачьи ухватки» и сѣрые глаза сфинкса. Это—олицетворенная «степей и воли дочь», и можно сказать, живая апухтинская муза. Роль свою она ведетъ очень колоритно. Глядя на нее, невольно вспоминаешь тѣхъ смуглокожихъ красавицъ древности, о которыхъ рассказываетъ въ своихъ романахъ Эберсъ.

Г. Рутковскій—очень веселый «нильскій волшебникъ». Хоръ, по обыкновенію, слабъ и для публики было бы лучше, если бы онъ совсѣмъ потонулъ во время наводненія. Оркестръ преуспѣваетъ подъ дирижерствомъ г. Паули.

Ю. Б.

* * *

Во вторникъ, 30-го марта, въ маломъ залѣ Консерваторіи состоится экстренный музыкальный вечеръ на сооруженіе памятника А. С. Пушкина, составленный изъ романсовъ, дуэтовъ и хоровъ, написанныхъ на тексты А. С. Пушкина, при участіи Л. Бакмансонъ, фонъ-Бремаентъ, Э. Кристманъ, Н. Кедрова и хора Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества подъ управленіемъ К. Н. фонъ-Баха.

* * *

Разрѣшены въ Великому посту спектакли и въ Нѣмецкомъ клубѣ (1-е Общественное Собраніе), гдѣ постановкой ихъ теперь завѣдуетъ г-жа Крылова-Шевченко. Труппа, впрочемъ, та же и играетъ съ тѣми же недостатками и достоинствами, какъ и прежде. Въ воскресенье, 21 марта, были поставлены сцены Дьяченко «Нынѣшняя любовь». Къ чему было ставить эту хорошо забытую пьесу?...

Исполнители отнеслись къ своимъ ролямъ старательно и каждый дѣлалъ, что могъ. Г. Никольскій (Тумановъ), Ажанниковъ (Константинъ) и Кальверъ (Бронинъ) имѣли успѣхъ у мѣстной публики, хотя и не вездѣ заслуженный. Г. Кудряв-

цевъ черезчуръ ужъ опростилъ Чадаева. Г-жа Расвицъ (Юлинка) удовлетворила насъ только въ 1-мъ актѣ, а въ остальныхъ ей не хватало чувства. Прилична г-жа Погребова въ роли Екатерины Васильевны.

Сборы теперь значительно понизились.

Н. У.

* * *

Одинъ изъ читателей намъ пишетъ:
«Что вы скажете о «Четвертой стѣнѣ?»

Я только что прочиталъ новую одноактную комедію «Отцы» К. С. Баранцевича. Позвольте отмѣтить одинъ неподходящій приемъ, къ которому прибѣгаютъ нѣкоторые авторы пьесъ, особенно небольшихъ, и котораго не избѣжалъ въ своей комедіи и г. Баранцевичъ.

Поднимается занавѣсъ. Публика видитъ извѣстную, пужную для пьесы, обстановку и загримированныхъ дѣйствующихъ лицъ, одѣтыхъ въ соответствующіе костюмы. Другими словами—авторъ вводитъ зрителя въ жизнь изображаемыхъ имъ лицъ и заставляетъ слѣдить за ходомъ событий изъ ихъ жизни. Все идетъ своимъ порядкомъ: событія совершаются, лица разговариваютъ и дѣлаютъ все то, что имъ требуется. Но вдругъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ обращается непосредственно отъ себя къ публикѣ съ вопросомъ или какимъ-нибудь замѣчаніемъ. Напримеръ у г. Баранцевича въ комедіи «Отцы», во 2-мъ явленіи, Федоръ Ивановичъ Кретоновъ, пожилой, но молодящійся, чиновникъ, рассказывая въ монологѣ, какъ онъ познакомился съ хорошенькою блондинкою, говоритъ публикѣ: «Позвольте, однако, вы не знаете, кто эта хорошенькая дѣвушка. Представьте, и я тоже! Я знаю только, что она хорошенькая, а для меня этого достаточно! Для меня это все! Ну, такъ видите ли», и т. д.

Монологи—мысли вслухъ—въ пьесахъ представляютъ уже сами собою явленіе не совсѣмъ натуральное, такъ какъ человѣкъ разговариваетъ самъ съ собою только въ самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ и никогда не говоритъ такъ пространно, какъ это изображается; однако обойтись безъ монологовъ очень трудно, наконецъ, къ этому мы привыкли и считаемъ уже за правило. Но какъ же можетъ пожилой чиновникъ Кретоновъ, находясь у себя въ квартирѣ, обращаться съ вопросами къ публикѣ въ театрѣ? Здѣсь получается какая-то непонятная и ненужная смѣсь монологической формы съ діалогической. Зачѣмъ тогда изображается квартира Кретонова? Для чего костюмы, гримъ и декорации? Къ чему Алексѣй Федоровичъ, вскорѣ появившійся, называетъ себя сыномъ Федора Ивановича Кретонова? И такъ далѣе, и такъ далѣе... Съ публикою заигрываютъ, ей ясно даютъ понять, что это не Кретоновъ, а актеръ, который загримировался и одѣлся Кретоновымъ и разговариваетъ съ публикою; а чрезъ минуту се стараются увѣрить, что это действительно Кретоновъ, пожилой чиновникъ, и что у него есть сынъ.

Такіе приемы портятъ художественную цѣльность впечатлѣнія. Съ поднятіемъ занавѣса публика должна видѣть жизнь изображаемыхъ дѣйствующихъ лицъ. Если авторъ вслѣдъ насъ въ квартиру чиновника Кретонова, то онъ (авторъ) не долженъ забывать, что въ этой квартирѣ для Кретонова четыре стѣны и что Кретоновъ у себя дома, а не въ театрѣ. Для публики не существуетъ этой четвертой стѣны и она, такъ сказать, невидимо для дѣйствующихъ лицъ, присутствуетъ при процессѣ событій. Сцена имѣетъ всѣ права на болѣе серьезное отношеніе, и такого несоблюденія условій драматической поэзіи, по моему мнѣнію, авторамъ допускать не слѣдовало бы.

Если мнѣ укажутъ, что обращеніе дѣйствующихъ лицъ къ публикѣ можно найти даже у Гоголя и Шекспира, то, да будетъ позволено возразить, что у названныхъ великихъ писателей именно эту особенность, или отступленіе, можно оставить безъ подражанія. Въ комедіи же, о которой идетъ рѣчь, прямое обращеніе дѣйствующаго лица къ публикѣ не имѣетъ своего *raison d'être* и легко можетъ быть замѣнено чѣмъ-либо другимъ, не противорѣчающимъ художественнымъ требованіямъ.

Надѣюсь, что г. Баранцевичъ не будетъ на меня въ претензіи за эти строки, такъ какъ я хотѣлъ только указать на вопиющій въ обыкновеніе неправильный приемъ, не имѣя въ виду умалять достоинства его новой комедіи.

В. Крамской.

Тѣнь прошлаго.

Книга г. Скальковскаго „Въ театральномъ мѣрѣ“, наконецъ, появилась въ свѣтъ... Говоримъ „наконецъ“, потому что про нее говорили, что она чѣмъ-то задержана. Это—очень хорошій приемъ, чтобы разрекламировать издание. Parturiunt montes, nascitur ridiculus mus...

Г. Скальковскій со своими театральными воспоминаніями и сборникомъ театральныхъ рецензій—явленіе очень характерное. Онъ считаетъ себя „театраломъ“ и „рецензентомъ“. Можетъ быть, но слѣдуетъ сознаться, что и то, и другое значительно устарѣло.

„Театраль“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ это г. Скальковскій,—совсѣмъ не то, что „театраль“ въ современномъ значеніи слова. „Театраль“—это человекъ, живущій интересами кулисы и бытовой обстановки театра, а не тотъ эстетикъ, который въ театральныхъ представленіяхъ находитъ наиболѣе сильный и могущественный для себя родъ эстетическихъ впечатлѣній. Этотъ „театраль“ еще не дифференцировался отъ театральнаго „поклонника“. Это—Великатовъ, Бакинъ, купчикъ Сеня, — вся галерея изъ „Талантовъ и поклонниковъ“, для которыхъ театръ есть своего рода mousseux, какъ и шампанское. Выпешь, заискрится нѣга во взорѣ... Или сходишь въ театръ, вѣришь, подышешь пылью кулисы, и само собой немножко, отъ восторга, начнетъ шалить „лѣвая ножка“.

Прочтите воспоминанія г. Скальковскаго, и вы увидите, какого рода театральные восторги оставили слѣды на его впечатлительной душѣ.

Остается г. Скальковскій—рецензентъ...

Но это такъ любопытно, что мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя выдержки. Когда читаешь эти quasi рецензій, то невольно чувствуешь, насколько настоящее ушло впередъ отъ недавняго прошлаго. Находятъ, что и нынѣшнія рецензій недостаточно глубокомысленны и серьезны. Это потому, что мы многое забыли. Вотъ, напримеръ, рецензія г. Скальковскаго о бенефисѣ г-жи Савиной.

«Бенефисъ г-жи Савиной всегда нѣкоего рода событіе. Прежде никакъ не могли найти для него въ Петербургѣ достаточнаго по величинѣ помѣщенія и злые языки увѣрили даже какъ-то, будто наша неувыдаемая премьерша просила уступить ей Невскую лавру. На этотъ разъ она ограничилась катакомбами Александринскаго театра, но билеты изъ кассы взяла домой и цѣны назначила «божескія», только втрое противъ тарифа. За то эта цѣна и процѣдила публику Александринскаго театра. Если бы не сквозной вѣтеръ и скверный запахъ изъ корридоровъ, можно было бы вообразить себя въ италіанской оперѣ, и даже знаменитый профессоръ эстетики Пьеръ Бобо возсѣдалъ скромно—по александринской ореографіи—«вместахъ за креслами», составляя pendant къ пріотившимся тамъ же хорошенькимъ балетнымъ корифейкамъ»...

Или далѣе:

«Видь биткомъ набитаго театра производить всегда то же пріятное впечатлѣніе, какъ видъ туго набитаго кошелька или корсета, полного тѣхъ прелестей, которыя дамы всѣхъ вѣковъ и народовъ такъ же тщательно скрываютъ отъ скромныхъ взоровъ мужчинъ».

Или:

«Г-жа Жулева одѣлась въ атласное платье, покрытое кружевами и съ такимъ турнюромъ, что едва двигалась между стульями. Очень милъ туалетъ г-жи Абариновой 2-ой въ послѣднемъ дѣйствіи, только высокую шляпу она напрасно надѣла на затылокъ, когда слѣдовало надѣть ее на лобъ» и т. д.

Затѣмъ, нагородивъ еще три короба о сапогахъ г. Сазонова, панталонахъ Каширина „изъ бѣлостокскаго трико“, о томъ, какъ авторы (шли „Данишевы“) показывались въ ложѣ и ихъ никто не вызывалъ и пр., г. Скальковскій заканчиваетъ свою рецензію слѣдующимъ образомъ:

Проходя по корридору, мы встрѣтили г. Крылова все въ тѣхъ же старыхъ панталонахъ, воспѣтыхъ малой прессой.

— Ты побѣдилъ, Галилеянинъ! сказали мы ему съ чувствомъ.

Вотъ каковы были „рецензій“ недавняго прошлаго. Потребности времени? Не знаемъ, но г. Скальковскій, включая эти „рецензій“ въ книгу о театрѣ, очевидно полагаетъ, что подобныя размышленія и наблюденія надъ панталонами г. Крылова и корсетами актрисъ заключаютъ въ себѣ то вѣковѣчное, что не пройдетъ безслѣдно для искусства и прочтется со вниманіемъ любителями и почитателями театра.

Рѣшительно, подобныя писанія не лишены интереса, какъ историческій документъ. Въ другомъ мѣстѣ г. Скальковскій говоритъ, что „засталъ допотопные типы рецензентовъ, въ родѣ Вильде, Рапиопорта, которые десятки лѣтъ сидѣли въ театрѣ и все-таки въ немъ ничего не разумѣли, пріучившись къ тому-же писать въ то время, когда для театральнаго критики существовала специальная цен-

зура дирекціи театровъ и третьяго отдѣленія“. Г. Скальковскій—отпрыскъ новой эпохи, свободы легкомыслія и убѣжденной фолишонности. Каковы были „допотопные рецензенты“, ничего не „разумѣвшіе“—судить на разстояніи трудно. Но несомнѣнно, что при всей своей допотопности, они видѣли въ театрѣ нѣчто, освѣжающее ихъ духовный мѣръ, какой-то элементъ ихъ художественнаго сознанія. И не разумѣя, они стремились разумѣть. Г. Скальковскій—типичный образецъ не желающаго разумѣть. Театръ былъ для него пикантнымъ соусомъ „жизни“. Это была эпоха пресыщенія. Подобно гастрономамъ, уставшимъ ѣсть и давно потерявшимъ здоровый и нормальный аппетитъ, онъ слегка пробовалъ соусъ, и чувствуя, что онъ жжетъ языкъ, былъ доволенъ. А блюдо такъ и оставалось петронутымъ.

Великолѣпный анахронизмъ—эта книга г. Скальковскаго. Такъ и видишь предъ собою театральную жизнь недавняго прошлаго. Что былъ тогда театръ? Художественное учрежденіе? Нѣтъ! Литературная разновидность? Нѣтъ? Наконецъ, организованный промыселъ, культурное служеніе, профессія, ремесло? Нѣтъ и нѣтъ. Театръ служилъ только для развлечения, только для того, чтобы было весело, чтобы не скучно жилось на бѣломъ свѣтѣ тѣмъ, кому нужны были разные „mousseux“ и газированные напитки, для возбужденія дѣятельности притупленныхъ центровъ. И tel maitre, tel valet. Театръ, который служилъ развлеченію, растолковывали и объясняли рецензенты, вродѣ г. Скальковскаго, съ его балагурствомъ сомнительнаго тона, съ этимъ перцемъ придуманныхъ остротъ, намековъ явственныхъ на то, чего вѣдаетъ никто, и анекдотовъ объ извѣстныхъ современникахъ...

„Requiescat in pacem“, скажемъ мы по поводу этой книги.

Ник. Негоревъ.

Круча.

(повѣсть).

I.

Воротиловъ, шагая черезъ двѣ ступеньки, быстро взбирался по узенькой, съ крутыми круглыми поворотами, лѣстницѣ. Добравшись до четвертаго этажа, онъ пріостановился на площадкѣ, вынулъ платокъ и сталъ протирать запотѣлыя очки.

Съ мигающими, близорукими глазами, широкой бородой и мокрымъ отъ дожда лицомъ, въ какой-то странной, дѣтскаго фасона шапочкѣ, онъ былъ и смѣшонъ, и добродушенъ.

Потоптавшись нѣсколько минутъ на промокшихъ, хлипающихъ калошахъ, онъ дернулъ дверь и вошелъ въ темный, слабо освѣщенной жестяной лампочкой съ жестянымъ же рефлекторомъ корридоръ. По обѣ стороны шли двери съ набитыми номерками, пахло керосиномъ и самоваромъ—обычный запахъ мебелированныхъ комнатъ.

Корридоръ былъ длинный и тамъ, гдѣ висѣла лампочка, сворачивалъ направо и упирался въ грязную, обшмыганную стѣну. Въ углу, у самой стѣны, Воротиловъ остановился передъ маленькой дверью и тряхнулъ рукой.

— Допускъ есть?—голосъ у него былъ густой, совсѣмъ неидуцій къ его маленькой, тщедушной фигуркѣ.

— Воротиловъ? входи! послышалось за дверью.

Въ крошечной комнаткѣ, въ одно окно, стоялъ у комода молодой человекъ, высокій и плотный, и тщето старался вдѣть петлю галстуха на запонку воротника. Грошевое зеркало, какъ онъ ни прино-

НАШИ ОПЕРНЫЕ АРТИСТЫ.

Г-жа Больска.

равливался, отражало только или пальцы, или часть лица—ни галстуха, ни воротничка видно не было.

На столѣ стоялъ самоваръ и около него хлопоталъ мальчикъ, лѣтъ девяти, въ гимназической формѣ.

— Красавецъ, здравствуй! поздоровался Воротиловъ съ молодымъ человѣкомъ.

— Здравствуй, отозвался тотъ.—Дождь?

— Самый основательный... Господину классику! и онъ расшаркался передъ гимназистомъ.—Желаю чаемъ ублажить. Вѣне, плезиръ и все остальное,—наливай, Мишукъ... А ты куда снаряжаешься?

— Къ Чемирязеву.

— Къ „его высокопревосходительству“? Одобряю и радуюсь, ибо усматриваю поступленіе доходовъ. А сколько?

— Не знаю, сколько дастъ. Платоновъ говорилъ, что не меньше ста...

— Optime! Заполучай, красавецъ, радужную, заполучай. Сей депозитъ весьма пріятенъ для всякаго благонамѣреннаго человѣка и, главное, къ разложенію на составные цвѣта удобенъ... Классикъ, соблаговолите придвинуть булку... Ну-съ, какъ насчетъ корней науки—вкушаете? Одобреніемъ наставниковъ пользуетесь?

— Вчера изъ ариеметики пять получилъ.

— Пять! Профессоромъ, классикъ, будете. Непремѣнно профессоромъ... А до тѣхъ поръ еще одинъ стаканчикъ и не столь сладко... Костя, обернулся онъ опять къ пріятелю,—ты, братъ, сегодня съ получкой и я тоже, хоть и не съ получкой, но вродѣ. Мѣсто, братъ, получилъ.

— Куда?

— Никуда, здѣсь. Гимназическаго прецепторства еще не вышло, это, братъ, ау—вотъ какъ далеко, а такъ частное занятіе по учебной части. У тебя съ генераломъ дѣла, а у меня съ генеральшей. Нѣкая Галицкая, Олимпіада Васильевна, дама во всѣхъ отношеніяхъ превосходительная. Сынка обучать при-

гласила—въюношъ упитанный, но голова съ зайчикомъ. Полное содержаніе и тридцать рублей гонорара. Вотъ мы какъ-съ. Да, чтобъ не забыть, Францеля встрѣтилъ. „Передайте, говоритъ, Луганину, что у меня для Ольги Петровны урокъ есть. Въ понедѣльникъ зайдетъ пусть“. Нѣмецъ, а благородной души человѣкъ. Такъ ты, того, передай.

Луганинъ, уже одѣтый, подошелъ къ столу и взялъ стаканъ.

— Спасибо, передамъ.

— Да теперь-то дома она?

— Нѣтъ. Урокъ у нея послѣ обѣда. Черезъ часъ вернется. Подожди.

— А ты сейчасъ уходишь?

— Да. Къ восьми надо. Чаю еще хочешь?

— Будетъ... А вы, классикъ, куда-же съ запасомъ премудрости?

Миша, съ книжками въ рукахъ, остановился.

Къ Оль въ комнату... уроки готовить.

— Да, вѣдь, завтра воскресенье, почтенишій?

— Я всегда въ субботу. Въ воскресенье гуляю...

— Такъ-съ, вполне добропорядочно. Позволю себѣ, молодой человѣкъ, пригласить васъ въ такомъ разѣ завтра въ циркъ господъ Чинизелли, для созерцанія жеребцовъ, дрессированныхъ на свободѣ... Желаєте?

Мальчикъ радостно выпыхнулъ и потупился.

— Онъ-то желаетъ, улыбнулся Луганинъ,—а вотъ ты-то съ чего расходишься?

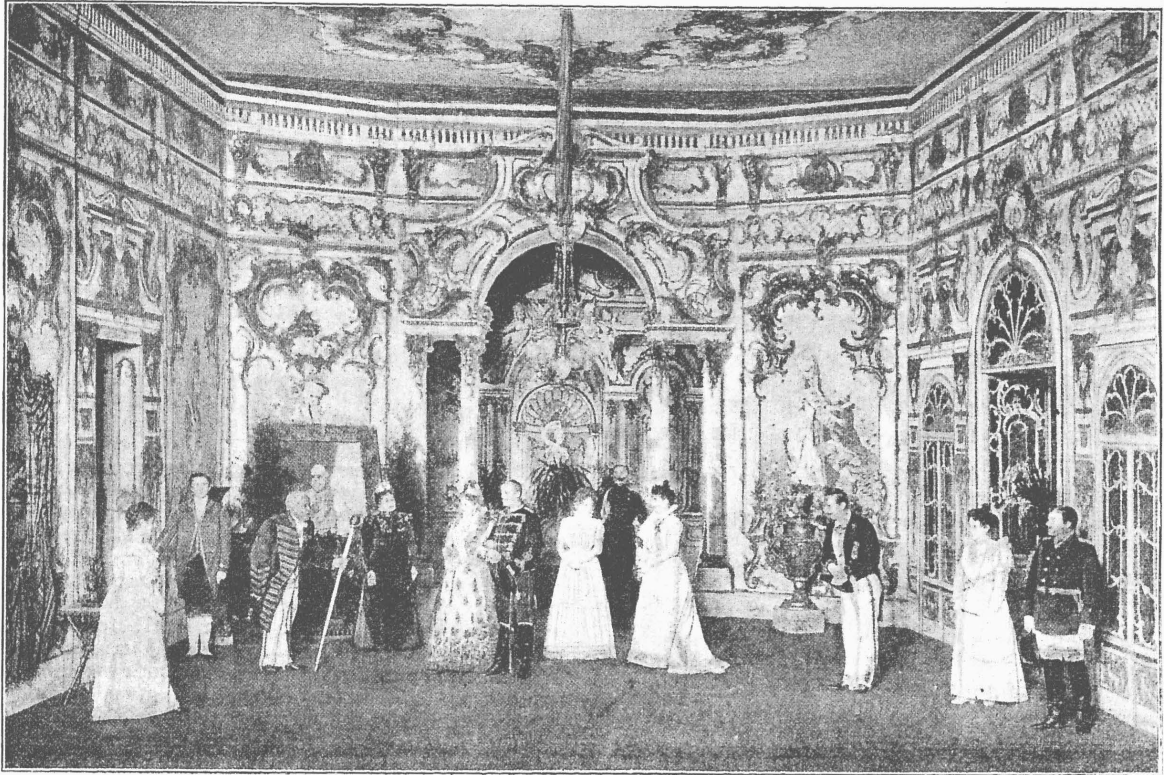
— Говорятъ тебѣ, мѣсто получилъ. Добродѣтельная генеральша авансъ въ полесотню дала—экипируйтесь, говоритъ. Ну, я дѣйствительно во-какъ „экипировался“, завтра увидишь. Все, братъ, англійское, изъ графскихъ домовъ приобрѣтено. Рыночникъ такъ и объявилъ—совершенно, молъ, случайно, въ шкафахъ мѣста нѣтъ... Израсходовалъ двѣ красненькія съ половиной, окромя сего сапоги заказалъ, сорочекъ и платковъ приобрѣлъ и все еще при двѣнадцати рубляхъ состою. Понялъ?... Вы, въюношъ, будьте благонадежны—ровно въ шесть явлюсь и отправимся на конное ристалище.

А. И. Зилоти.

(Къ концерту 27 марта).

«БЛЕСТЯЩАЯ КАРЬЕРА» на сценѣ берлинскаго новаго театра.

Заклучительная сцена II-го дѣйствія.

Миша ушелъ и пріятели остались одни. Физиономія Воротилова тотчасъ-же измѣнилась — она какъ-то сразу стала и серьезнѣе, и смущеннѣе.

— Костя, проговорилъ онъ, помѣшывая ложкой въ пустомъ стаканѣ,—а когда свадьба?

Луганинъ отвернулся и хмуро уставился въ окно.

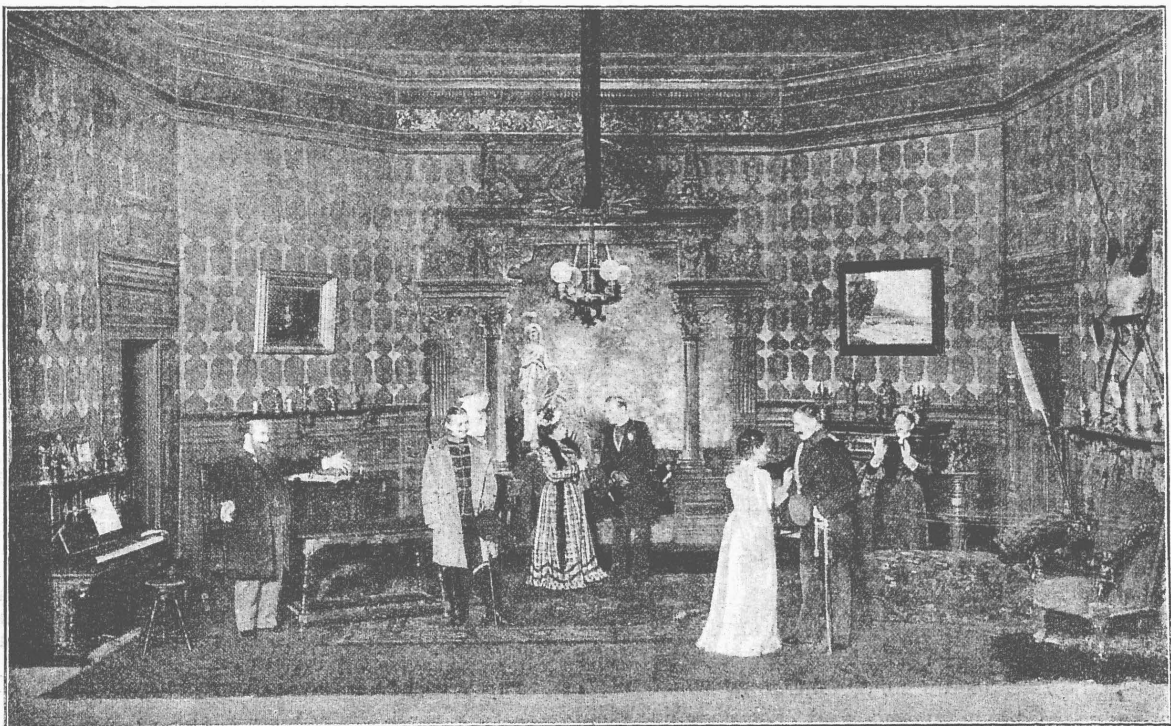
— Свадьба?... Да все по-прежнему, Сергѣй, какъ тогда говорили... Пожепитесь и вести вотъ эту самую,

меблированную жизнь—не хочется, а по семейному устроиться—деньги нужны...

— Пятьсотъ рублей считали?—взглянулъ на него изъ-подъ очковъ Воротиловъ.

— Пятьсотъ. Вѣдь что новорожденные — ничего нѣтъ, чайникъ и тотъ хозяйскій... Ну, рѣшили копить, копимъ, въ годъ сто рублей отложили!...

— Немного...

Заклучительная сцена пьесы.

— Совсѣмъ, братъ, немного, да откуда больше-то взять? Я шестьсотъ получаю, Оля триста, итого девятьсотъ. Такъ, вѣдь, жить надо—тутъ и помѣщеніе, и столъ, и одежда, и за мальчика плата...

— Ахъ, красавецъ, знаю, досконально все это знаю и совсѣмъ не въ томъ духѣ говорю... Видишь: генеральша моя—дама, какъ я тебѣ докладывалъ, во всѣхъ отношеніяхъ превосходительная, совершенно особенная дама, въ томъ числѣ и въ смыслѣ гельдольв. Я ее такъ понимаю, что черезъ короткій промежутокъ времени возможно заемъ произвести подъ имѣющее быть содержаніе. И задумалъ я, другъ ты мой милый, ни больше, ни меньше, какъ три радужныхъ билета у нея къ Рождеству исходатайствовать,—дать, честью завѣряю, что дать, потому дама такая...

— И задумалъ ты, другъ ты мой милый, въ его-же тонѣ подхватилъ Луганинъ,—забравъ эти три радужныя, сирѣчь все твое годовое содержаніе снабдить онымъ меня...

— Не тебя собственно, понуро отозвался Воротиловъ, почему-то вдругъ затуманившійся,—а Ольгу Петровну...

— Все равно... Эхъ, Сережа, Сережа! Умный ты человекъ, а какія глупости тебѣ въ голову лѣзутъ! Ну, посуди самъ,—мы тебя грабить, прямо-таки грабить будемъ, а? Вѣдь ты и цифру-то, триста, сейчасъ сообразилъ. Услыхалъ, что сто накоплено, да сто получу, а всего пятьсотъ требуется—ну, и сообразилъ: „триста у генеральши возьму“... Такъ вѣдь, а? Что молчишь, говори...

Воротиловъ еще шибче завертѣлъ ложечкой, потомъ бросилъ и затеребилъ бороду. Это былъ у него признакъ сильнѣйшаго волненія.

— Я что-жъ я скажу, заговорилъ онъ, не смотря на Луганина,—я, братъ Костя, если на то пошло, безъ стѣсненія скажу... Бросилъ ты университетъ—чортъ съ нимъ, не въ немъ сила. Жить надо было, братишка на рукахъ остался—понимаю. Встрѣтился ты съ Ольгой Петровной—и умница, и красавица, и душа-человѣкъ. Хорошо. Порѣшили вы пожениться—еще лучше. Денегъ нѣтъ, копить стали—все понимаю. Только ежели деньги эти я тебѣ теперь предлагаю, какое право есть у тебя для отказа? Гордымъ испанцемъ желаешь явиться. Оченно прекрасно, только, другъ милый, о ней-то думалъ ты, али нѣтъ? Каково ей, а? Тетушки справа, кузины слѣва и все это шипомъ шипить. Вы, вотъ,—вѣрю душевно,—какъ голуби чисты, а ей отказъ съ двухъ уроковъ прислали. Можешь ты, спрашиваю я тебя, гордымъ испанцемъ быть али нѣтъ?

Луганинъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Сергѣй, остановился онъ передъ Воротиловымъ,—все, что ты говоришь, все это правда. Правда такая, что я отъ нея по ночамъ, порой, не сплю. Но эту правду, голубчикъ, я и Ольга Петровна предвидѣли еще съ перваго дня нашей помолвки. Такимъ, какъ мы, счастье даромъ не дается... Говорятъ то-то и то-то! И пусть, пусть говорятъ, ни лучше, ни хуже мы отъ этого не станемъ... Нехорошо наше теперешнее положеніе, но и то, что предполагаешь ты, тоже, братъ, не лучше. Начинать жить на помочахъ, да еще на помочахъ у такого-же нищаго, какъ и мы сами—это, голубчикъ, не выходъ.

— А я говорю, что выходъ!

— Ты говоришь,—улыбнулся Луганинъ,—ты говоришь... Тѣмъ-то ты, Сережа, и милый человекъ, что говоришь такъ, какъ никто ни говоритъ.

И подойдя къ вѣшалкѣ, онъ взялся за свое пальто.

— Подожди Олю. Поговори съ ней, и увидишь, что скажетъ...

— И увижу, совсѣмъ уже мрачно проворчалъ Воротиловъ.

И увидишь,—повторилъ Луганинъ, отворяя дверь,—а пока—прощай.

— Скоро вернешься? крикнулъ ему вдогонку Воротиловъ.

— Часа черезъ два, отвѣтилъ тотъ уже изъ корридора.

А. Дѣяновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

ПРАГА. (Отъ нашего корресп.). Наконецъ-то мы дожались обыкновеннаго намъ «Сирано де Бержеракъ». Успѣхъ пьесы Ростана у насъ огромный, благодаря превосходному переводу маститаго нашего поэта Врхлицкаго и исполненію главныхъ ролей г. Сейфертомъ и г-жей Лаудовой. Пьеса не пойдеть, конечно, 300 разъ, какъ въ Парижѣ, но навѣрно не провалится, какъ это чуть-чуть не случилось въ Берлинѣ и Вѣнѣ... Изъ новинокъ отмѣчу пьесу г. Равина «Гастролерша». Это не шутка, какъ «Гастролерша» г. Щеглова, напротивъ, это почти драма. Извѣстная артистка изъ столицы пріѣзжаетъ на гастроль въ провинціальный уголокъ и, по нашему обычаю, останавливается не въ отелѣ, а гоститъ въ одномъ изъ лучшихъ семействъ въ городѣ—у адвоката. Случайно, это бывшій любовникъ артистки, и минувшіе дни любви начинаютъ опять оживляться какъ въ артисткѣ, такъ и въ адвокатѣ. Но взгляды на невинную, молодую супругу адвоката заставляютъ гастролершу обратиться къ исполненію своихъ прямыхъ обязанностей.

Пока мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ г-жу Савину, эту первую артистку Россіи—артистку hors concours. Интересное представленіе шло на частной сценѣ кружка любителей—«Власть тьмы» Толстого. Пьесу, которую боится поставить Національный Театръ, не довѣряя ни артистамъ, ни публикѣ, поставила трушпа любителей. И не дурно. Конечно, не все было какъ на сценахъ русскихъ, но все-таки не было рѣзкихъ ошибокъ...

Вопрощъ о второмъ чешскомъ театрѣ въ Прагѣ близокъ къ осуществленію. Отыскалось и мѣсто для театра, среди большого Городскаго сада. Главный вопросъ: новый театръ долженъ быть самостоятельнымъ или зависѣть отъ Національнаго?
D-r Boris Prusik.

Въ послѣднемъ обзорѣ пьесъ, вновь поставленныхъ и возобновленныхъ на сценахъ многочисленныхъ парижскихъ театровъ, мы упомянули о постановкѣ исторической пьесы Эмиля Пувильона и Армана д'Артуа «Король Римскій». Въ настоящее время Морисъ Баррестъ пишетъ на тотъ же сюжетъ мрачную драму, а Эдмонъ Ростанъ, какъ извѣстно, работаетъ надъ пьесой «Орленокъ».

Кстати о Ростанѣ: Читателямъ уже извѣстно, что двѣ недѣли тому назадъ на сценѣ театра Porte-Saint-Martin состоялось 400-е представленіе его пьесы «Сирано де-Бержеракъ», 400-е и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднее, такъ какъ дирекція театра обязалась больше никогда не ставить этого произведенія, принесшаго ей и автору въ теченія 446 дней болѣе двухъ съ половиною милліоновъ франковъ чистаго дохода. Театральные старожилы не вапомнятъ успѣха, подобнаго тому, какимъ пользовался «Сирано-де-Бержеракъ». Впрочемъ, они никогда и ничего не помнятъ. На самомъ дѣлѣ не меньшимъ успѣхомъ пользовалась мелодрама «Les deux gosses», два года тому назадъ выдержавшая около тысячи представленій, правда, не всегда при полномъ театрѣ.

Вѣроятно, съ умысломъ послѣ роستانовскаго «Сирано-де-Бержеракъ» дирекція театра поставила пьесу Бержера «Plus que Reine».

Французская литература о театрѣ обогатилась еще однимъ новымъ произведеніемъ. Недавно появившаяся въ свѣтъ изящно изданная книжечка Поля Жиниста—второстепеннаго драматическаго писателя и театральнаго критика подробно описываетъ судьбу пьесы съ того момента, какъ авторъ, подписавъ свою фамилію и поставивъ точку, отдаетъ ее въ распоряженіе директора какаго нибудь театра.

Впрочемъ, объ этомъ до слѣдующаго раза. **Ю. М.**

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ЯРОСЛАВЬ. Въ юнѣ 1900 г. исполнится сто пятьдесятъ лѣтъ существованія русскаго театра. Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Съ 1750 г. до настоящаго времени, до рубежа XX-го вѣка, русскій театръ пережилъ и перенесъ много. Онъ уже можетъ считаться съ своей исторіей, у него есть свои традиции, онъ богатъ блестящими именами выдающихся дѣятелей. За полтораста лѣтъ своего существованія, русскій театръ съ богатырской силой росъ, развивался и давно уже не только сталъ на ряду съ западно-европейскимъ театромъ, но во многомъ и опередилъ его.

И честь его созданія всецѣло принадлежитъ ярославскому купцу, а впоследствии первому россійскому актеру, Оедору Григорьевичу Волкову. Имя Волкова связано неразрывными узами съ Ярославлемъ и, такимъ образомъ, на долю Ярославля выпала честь считаться колыбелью русскаго театра.

Поэтому вполне естественнымъ казалось бы, если бы городское управленіе озабочилось объ оздоровленіи и упорядоченіи веденія дѣла въ своемъ единственномъ культурномъ учрежденіи—театрѣ, сыгравшемъ такую видную роль въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія. А между тѣмъ мы видимъ совсѣмъ противоположное. Театръ эксплуатируется управой, какъ и всякое другое городское имущество, и на него смотрятъ исключительно съ точки зрѣнія доходной статьи. Переходить онъ изъ рукъ въ руки отъ одного арендатора къ другому, все это въ обычномъ родѣ, такъ что вчужѣ становится обидно, за судьбу этого увѣковѣченнаго исторіей театра.

Въ настоящее время при мѣстной ученой архивной комисіи учреждена особая подкомисія для выработки плана чествованія памяти Волкова и празднованія 150-ти лѣтняго юбилея русскаго театра.

Мнѣ кажется, что лучшимъ памятникомъ такого знаменательнаго событія и въ то же время памятникомъ пионеру русскаго сценическаго искусства было бы учрежденіе такого городскаго театра, который вполне отвѣчалъ бы своему назначенію. И именно городской-то управѣ и надо бы первой откликнуться на это важное дѣло.

По своему прошлому, ярославскій городской театръ, въ ряду прочихъ провинціальныхъ театровъ, долженъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ. И городская управа въ своемъ стремленіи поднять театръ на достойную высоту, тѣмъ самымъ разрѣшила бы въ частности, въ предѣлахъ своей компетенціи, одинъ изъ жгучихъ, наболѣвшихъ вопросовъ веденія театральнаго дѣла въ провинціи.

Но въ настоящее время положеніе нашего городскаго театра печально.

Оглядываясь на только что закончившійся сезонъ и подводя ему итоги, съ грустью убѣждаешься, что мало хорошаго онъ съ собою принесъ. Все то же, что было и раньше у другихъ антрепренеровъ. Труппа, за исключеніемъ двухъ-трехъ артистовъ, слабая, про репертуаръ и говорить нечего. На протяженіи всего сезона, репертуаръ носилъ самый случайный характеръ.

Ставила опера «Демонъ», съ водевильной актриской въ партіи Тамары и съ комикомъ въ партіи Демона, «Бѣдность не порокъ» Островскаго, съ балетнымъ дивертисментомъ во 2 мѣ актѣ, и, *rouge la bonne bouche*, «знаменитый мимистъ и иллюзионистъ г. Натанъ Шварцъ», удостоенный ордена Зеленой Собаки отъ короля Сіамскаго, съ изображеніемъ знаменитыхъ людей, въ родѣ управляющаго мѣстнымъ театромъ.

Было отъ души жаль немногихъ настоящихъ, истинныхъ артистовъ труппы. Валовой сборъ за истекшій сезонъ достигъ что-то около 28 тысячъ руб. Сумма, сама по себѣ, почтенная, но отнявъ отъ нея 2.500 руб. арендной платы за театръ, 1.500 руб. за электрическое освѣщеніе, платежъ авторскихъ и прочіе окладные и неокладные расходы по содержанію театра, окажется, что въ сущности, на веденіе дѣла, въ строгомъ смыслѣ, остается весьма немного.

Поэтому вполне понятно, что антрепренеръ, при составленіи бюджета, волей неволей долженъ экономить, чтобы не выйти изъ рамокъ и полатиться своимъ карманомъ.

Результатомъ такого положенія вещей является малочисленная и плохая труппа, числомъ поменѣе, цѣною подешевле, репертуаръ ведется соотвѣтствующій, съ единственнымъ «принципомъ» сорвать сборъ... Появляются спасительныя, сенсационныя новинки столічныхъ театровъ, отыскивается какая нибудь «хлѣбная пьеса» или, какъ принято выражаться, «гвоздь», а если все это удастся,—то дѣло въ шляпѣ...

Сѣхъ спектаклей было 103. Изъ нихъ добрая половина бенефисныхъ. Не только первые и вторые персонажи имѣли бенефисы, но были бенефисы и декоратора, и суфлера, и сценаріуса, и кассирши и даже управляющаго театромъ. Недоставало бенефисовъ капельдинеровъ, ламповщиковъ и полярныхъ, чаще другихъ бывавшихъ по наряду...

Изъ всей этой серіи бенефисовъ въ числѣ наиболѣе удачныхъ во многихъ отношеніяхъ, нужно упомянуть бенефисъ талантливаго г. Михайловича - Дольскаго. Поставилъ онъ въ свой бенефисъ пьесу А. П. Чехова «Ивановъ», и имѣлъ очень большой успѣхъ. Бенефисъ г. Дольскаго отличался рѣдкой задушевностью и теплотой пріема. Отъ почитателей своихъ онъ получилъ серебряный вѣнокъ и адресъ, покрытый многочисленными подписями. Сборъ былъ полный. Съ большимъ успѣхомъ прошелъ бенефисъ г. Большакова, поставившаго пьесу Сухово-Кобылина «Дѣло».

За то г. Каралли-Торцовъ и въ бенефисъ остался вѣренъ самому себѣ, поставивъ мелодраму «Парижскіе нищіе», давшую ему тоже полный сборъ и успѣхъ у «райскихъ обитателей».

Начиная со второй половины сезона стала пользоваться успѣхомъ г-жа Волгина-Покровская. Отмѣтимъ исполненіе ролей Магды (Родина) и Маріи Стюартъ.

Ставя точку истекшему сезону, спрашиваемъ, что же дальше будетъ? Вѣдь театръ опять остался за г. Торцовымъ. Почему городская управа предпочла его другимъ претендентамъ, сказать не умѣю. Надо полагать, что у г. Каралли-Торцова есть какія нибудь скрытыя достоинства.

ТАМБОВЪ. Минувшій театральнй сезонъ прошелъ у насъ довольно слабо. Причины этому, во-первыхъ, неудовлетворительный составъ труппы и не особенно умѣлое веденіе дѣла, а во вторыхъ, сильная конкуренція цирка бр. Никитиныхъ и г. Труцци, привлечавшихъ массу публики борьбою разныхъ атлетовъ и боемъ быковъ. Довершило ударъ необыкновенное обиліе любительскихъ спектаклей, концертовъ, музыкально-литературныхъ, танцевальныхъ и т. п. вечеровъ, нашинство которыхъ билеты почти навязывались публикѣ. Вотъ приблизительные итоги минувшаго сезона. Съ 27 сентября по 28 февраля дано было 92 спектакля (сначала подъ дирекціей А. А. Прозорова, затѣмъ подъ конецъ сезона подъ дирекціей А. А. Карамзина), съ валовымъ сборомъ отъ 9.500 до 10.000 рублей. Любительскихъ спектаклей, концертовъ и т. п. дано до 12, со сборомъ отъ 5¹/₂ до 6 тысячъ рублей.

Циркъ бр. Никитиныхъ далъ 49 представлений, сдѣлавъ сбора 14—15 тысячъ; циркъ г. Труцци далъ 12 представлений и сдѣлавъ сбора 5—6 тысячъ рублей*). Слѣдовательно оба цирка за 60 представлений собрали съ публики дани до 20 тыс. рублей; тогда какъ сто съ лишнимъ спектаклей и концертовъ дали въ общемъ сбора всего только 15—16 тысячъ.

По этимъ цифровымъ даннымъ можно судить о вкусахъ большинства нашей публики.

Правда, что театральная труппа дѣйствительно была слабовата, особенно мужской персональ, да вѣдь и прежде въ другихъ труппахъ тоже бывали подобные недочеты въ актерахъ или въ актрисахъ, но такихъ плохихъ результатовъ въ смыслѣ сборовъ, кажется, не бывало.

Возьмемъ, на примѣръ, хотя прошлогодній зимній сезонъ (антреприза Е. Е. Славянскаго), у котораго съ начала сезона былъ еще довольно удовлетворительный подборъ артистовъ, но вскорѣ съ уходомъ г. Соломина (любовн.) и г-жи Ляровой (драм. инж.) составъ труппы замѣтно ослабѣлъ и хотя на мѣсто выбывшихъ были приглашены г. Аркановъ и г-жа Азарова, но послѣдніе далеко не замѣнили двухъ первыхъ исполнителей.

Такимъ образомъ г. Славянскій по своей винѣ остался среди сезона, что называется, какъ ракъ на мели. Чтобы поправить какъ нибудь дѣло, онъ пригласилъ артиста г. Яковлева-Востоква и двухъ гастролеровъ бр. Адельгеймъ.

Въ нынѣшній сезонъ не доплачено артистамъ жалованья до 2.000 руб. за первую половину сезона, т. е. за время дирекціи г. Прозорова. Крахъ былъ неизбѣженъ, если бы въ это время не явился на выручку одинъ изъ артистовъ этой труппы г. Карамзинъ, доставшій денегъ и принявшій на себя дирекцію театра съ условіемъ платить всѣмъ до конца сезона, за исключеніемъ выше упомянутыхъ 2 тыс. рублей, на что, разумѣется, всѣ артисты вынуждены были волей-неволей согласиться, чтобы не остаться безъ дѣла и заработка. За этотъ періодъ времени въ Тамбовѣ цирка уже не было, да любители рѣже стали подвизаться на сценѣ, поэтому дѣла труппы не много поправились, тѣмъ болѣе, что въ это время замѣтно начала привлекать вниманіе публики незадолго передъ тѣмъ приглашенная актриса (драматическаго героиня) г-жа Горева-Трескина. Артистка эта, повидимому, обладаетъ дарованіемъ. Любовника сколько нибудь подходящаго совсѣмъ не было; эти роли исполнялись то г. Павленко, то г. Прозоровымъ, то г. Карамзинымъ, то г. Яковлевымъ (резонеръ—онъ же режиссеръ труппы), словомъ, кѣмъ попало. Всѣ вышеупомянутые трое артистовъ (кромѣ г. Яковлева), повидимому, до сихъ поръ еще не опредѣлили своего настоящаго амплуа. Среди труппы порядочнымъ актеромъ можно считать г. Холмина (ком. резонеръ). Изъ любителей выдвинулись нѣкоторые недурные исполнители—г-жа Малаксіанова даровитая *ingénue comique* и г. Алмазовъ (простакъ).

*) Цѣны на мѣста въ циркѣ выше театральныхъ.

Лѣтній театръ конно-заводскаго собранія на предстоящій сезонъ сданъ г-жѣ Е. А. Де Борнъ. Предполагается драма.

Зимній театръ на будущій сезонъ сданъ бр. Крамрь.

А. Осиповъ.

КРАСНОЯРСКЪ. Въ половинѣ октября мѣсяца у насъ сгорѣлъ до основанія городскій театръ, въ которомъ играла драматическая труппа, подъ антрепренерствомъ покойнаго В. И. Резоноэра-Эрве. Оставшіе «на мѣли» артисты выбрались изъ нашего города, лишь благодаря частной подпискѣ и пособію, отпущенному генералъ-губернаторомъ. Театръ сгорѣлъ, городъ получилъ за него страховую, весьма незначительную сумму, и когда теперь соберутся выстроить вновь театръ—Богъ вѣсть. Пока устроены двѣ небольшія сцены: одна въ общественномъ, а другая въ ремесленномъ клубѣ; въ первомъ ставятъ спектакли драматическое общество и любители, а во второмъ проѣзжие артисты. Всю масляницу у насъ ставило спектакли товарищество малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ Марченко-Шестковской и Стодола. Товарищество состоитъ всего изъ 6—8 человекъ и особеннымъ расположеніемъ публики не пользуется. На второй подѣлѣ Великаго поста у насъ намѣрены дать нѣсколько концертовъ оперные артисты иркутскаго театра. Постомъ же драматическое общество предназначаетъ поставить цѣлый рядъ спектаклей.

Сюда прибыла жена покойнаго антрепренера В. А. Резоноэра-Эрве, которая получила пособіе изъ театральнаго фонда в. 200 руб. и разрѣшеніе власти на безплатный перевозъ тѣла покойнаго супруга по желѣзной дорогѣ отъ г. Ачинска къ мѣста его родины.

А. Г. М.

ГРОДНО. Театральный сезонъ закончился бенсифисомъ антрепренери П. В. Никоновой. Сборъ былъ совершенно полный, бенсифианткѣ поднесли три цѣнные подарка. Г-жа Никонова добросовѣстно и умѣло организовала театральное дѣло, въ отношеніи труппы и обстановки сцены. Нельзя не пожелать, чтобы и на будущій сезонъ театръ остался въ рукахъ П. В. Никоновой.

Главные силы труппы составляли: г-жи Никонова, Волынцова, Кудрявцева, Халатова, Снѣжкина, Никонова 2-я, Степанова и г-г. Демюръ, Вербинъ, Митрофановъ, Несмѣльскій, Горскій, а также гастролировавшій послѣдній мѣсяцъ сезона г. Сарматовъ.

Съ октября 1898 г. по 28 февраля 1899 года дано было 95 драматическихъ спектаклей. Репертуаръ состоялъ изъ слѣдующихъ главнѣйшихъ пьесъ: «Блестящая партія», «Соколы и вороны», «Арказановъ», «Гувернеръ», «Маюрна», «Не такъ страшенъ чортъ», «Спиритизмъ», «Въ новой семьѣ», «Порывъ», «Сердце-загадка», «Отравленная совѣсть», «Ловля жениховъ», «Два подростка», «Ни минуты покоя», «Послѣдняя жертва», «Контролеръ спальныхъ вагоновъ», «Золото», «Водоворотъ», «Грибница», «Говорящій пѣмой», «Жертвы живыхъ мертвецовъ», «Невинно-осужденный», «Флиртъ», «Потопившій колоколь», «Вторая молодость», «Въ неравной борьбѣ», «Волшебная сказка», «Чадъ жизни», «Слѣдователь», «Горе отъ ума», «Послѣдняя воля», «Веселые сосѣдки», «Кокоша и Тотоша», «Неумолимый судъ», «Сестра Тереза», «Домашній столъ», «Таланты и поклонники», «Отъ судьбы не уйдешь», «Счастливецъ», «Золотая Ева», «Парижскіе нищій», «Безъ вины виноватые», «Доходное мѣсто», «Женитьба Бѣлугина», «Спорный вопросъ», «Мужъ знаменитости», «Чайка», «Двѣ судьбы», «Исторія одного увлеченія», «Наши вѣдьмы», «Въ старые годы», «Цѣпи», «Родина», «Трильби», «Кинь», «Двѣ сиротки», «На жизненномъ пиру», «Чужіе», «Дочь вѣка».

Валового сбора взято 13.500 руб., субсидіи 1.000 р.

АСТРАХАНЬ. Въ масляничній репертуаръ вошли слѣдующія пьесы: «Волки и овцы» (бен. Расатова), «Шитомка» (въ бенсиф. г-жи Тереховой), «Слѣпой» (въ бенсиф. Кручинина), «Спорный вопросъ» (бен. режиссера Черманъ), «Самоуправцы» (бен. Шамардина), «Девятый валъ» (бен. Ворониной) и для закрытія сезона «Другъ женщинъ» (бен. Витарскаго). Сборъ за всѣ эти спектакли были не полные. Въ теченіи всего сезона наибольшимъ успѣхомъ пользовались: Терехова, Лаврова, Расатовъ и Шамардинъ. Спектакли вимяго сезона были скучные и вялые. Публика неохотно посѣщала театръ. Труппа была очень слаба, за исключеніемъ двухъ-трехъ артистовъ. По слухамъ, на слѣдующій зимній сезонъ (1899—1900 г.) нашъ театръ снова снимаетъ г. Витарскій, которому совѣтуемъ набрать въ свою труппу лучшія силы, тѣмъ болѣе, что астраханцы видали на своемъ вѣку игру хорошихъ артистовъ.

А. Дадисевъ.

ТАГАНРОГЪ. Мало утѣшительнаго можно сообщить о закончившемся недавно театральномъ сезонѣ въ Таганрогѣ. Его приходится считать во всѣхъ отношеніяхъ неудачнымъ. Репертуаръ былъ неинтересный, труппа слабая, постановка пьесъ небрежная. Небрежно и поверхностно относились къ своему дѣлу и артисты. Незнание ролей, запоздалые выходы и отказы отъ исполненія вслѣдствіе «внезапной болѣзни» были обычнымъ дѣломъ. Публика, съ своей стороны, относились холодно къ театру.

Г-жа Строганова, при самомъ искреннемъ желаніи служить дѣлу, оказалась плохимъ руководителемъ, за что очень

серьезно поплатилась. Изъ опубликованнаго ею въ «Приазовскомъ Краѣ» отчета видно, что за два года антрепризы въ Таганрогѣ она потеряла 12 т. рублей! Сумма довольно значительная, если взять во вниманіе, что валового сбора первый годъ далъ 28 т. руб., а второй 25 т. Нашъ городъ болѣе 28 т. рублей уже давно не давалъ, тѣмъ не менѣе нѣкоторые антрепренеры заканчивали здѣсь дѣла съ прибылью, какъ напр. Е. В. Любовь, Г. А. Аяровъ, А. В. Шорохова и др. Если г-жа Строганова понесла столь значительные убытки, то это можно объяснить лишь тѣмъ, что она платила артистамъ слишкомъ большіе оклады, совсѣмъ не соответствующіе ихъ талантамъ. Такъ, въ истекшемъ сезонѣ героиня получила 350 р. въ мѣсяцъ, хотя она убила все дѣло полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было ланныхъ для сцены, кромѣ благодарной вѣщности. Первый любовникъ, получившій 250 р., вызвалъ протестъ не только со стороны публики, но даже и театральной комиссіи. Вечерные расходы были немалыми велики. Г-жу Строганову эксплуатировали и артисты, и поставщики. Женщина нервная, не дѣловитая, не привыкшая вести самостоятельно большое и ответственное дѣло, она была опутана цѣпью интригъ и недоброжелательства. Съ артистами установились самыя враждебныя отношенія, исключая дружное и добросовѣстное веденіе дѣла. Режиссера не было и г-жѣ Строгановой приходилось самой и режиссировать, и играть вмѣсто капризныхъ актрисъ, и заниматься хозяйственнымъ дѣломъ. А тутъ еще постоянныя недоразумѣнія съ разрѣшеніемъ къ постановкѣ пьесъ. По неизвѣстнымъ причинамъ не была, напр., разрѣшена полиціей пьеса «Сумасшествіе отъ любви», хотя она много разъ ставилась въ Таганрогѣ. Также не получили разрѣшенія «Цыганскія пѣсни въ лицахъ», старая забитая, всѣмъ хорошо извѣстная оперетка. Съ большимъ трудомъ досталось разрѣшеніе комедіи «Исторія одного увлеченія». Вообще, казалось бы простое дѣло, выпускъ афиши, всегда сопряождался хлопотами, недоразумѣніями, излишними расходами и большой проночкой времени.

Публика совсѣмъ охладѣла къ театру, даже бенсифисы не дѣлали сборовъ. Только артистъ ростовскаго Асмоловскаго театра г. Самойловъ, прѣхавшій сюда, изрядка улекалъ мѣстныхъ театраловъ. Этотъ даровитый артистъ выступилъ здѣсь въ послѣдній разъ въ «Горѣ отъ ума» и имѣлъ пологительно ошеломляющій успѣхъ, не смотря на то, что товарищи его сдѣлали все, чтобы провалить окончательно безсмертную комедію.

Выступала здѣсь также Е. Н. Горева, по сборовъ не сдѣлала. Г-жа Горева—старая анакома таганрогцевъ. Ее помнятъ еще начинающей артисткой, когда 22 году тому назадъ она играла здѣсь роли драматическихъ инсценъ. Это была милая, изящная съ красивымъ, нѣсколько излишне пѣвучимъ голосомъ актриса, мало, впрочемъ, обидчивая въ будущемъ. Г-жа Горева,—все та же Горева. Тотъ же однообразный голосъ, поощій и поощій, то же мало подвижное лицо и то же не глубокое, хотя эффектное исполненіе благодарныхъ ролей Адриены, Маргариты Готье, Маріи Стюартъ и др. На спектакляхъ г-жи Горевой театръ былъ совершенно пустъ, успѣха никакого. Такъ закончилась слава этой странной артистки. А между тѣмъ, какъ средней труженникъ сцены, она могла бы занимать во всякой провинціальной труппѣ почетное мѣсто.

Скажемъ еще нѣсколько словъ по поводу провинціального спектакля и послѣдняго бенсифиса г-жи Строгановой. Пьеса Радзивилевича «Исторія одного увлеченія». Публика приняла артистку холодно. Пьеса исполнялась изъ рукъ вогъ плохо. Въ видѣ демонстраціи начали выводить актрису на вторыя роли г-жу Зорину и поднесли ей корзину цвѣтовъ, совершенно не по заслугамъ. Затѣмъ вдругъ публика потребовала г-жу Кони-Стрѣльскую, уже двѣ недѣли не принимавшую участія въ спектакляхъ изъ-за недоразумѣній съ г-жею Строгановой; г-жа Кони-Стрѣльская успѣха у насъ не имѣла, артистка слабая, не умѣющая передать ни одного драматическаго положенія, а теперь вдругъ публика, какъ бы на зло г-жѣ Строгановой; съ азартомъ начала требовать г-жу Стрѣльскую, сидѣвшую въ ложѣ. Неизвѣстно, чѣмъ закончилась бы эта вакханалія праздничной толпы, если бы полиціи-мейстеръ серьезно не вывелъ г-жу Стрѣльскую на сцену. Ей поднесли серебряный вѣнокъ. Артистка кланялась и плакала. О чемъ? Скорѣе всего о бѣдной публикѣ, превращающей театръ Богъ знаетъ во что.

Такъ плачевно закончилась дѣятельность г-жи Строгановой въ Таганрогѣ. А еще не такъ давно ее здѣсь засыпали цвѣтами, драгоценными камнями, театръ дрожалъ отъ рукоплесканій! «Вотъ черни судъ, ищи-жь ся любви!»

Я общалъ еще поговорить о нашемъ Артистическомъ Обществѣ. Оно существуетъ уже давно, но стало популярнымъ въ Таганрогѣ только послѣдніе два-три года, когда во главѣ кружка стала А. В. Генъ (бывшая артистка Шорохова). Теперь кружокъ имѣетъ приличное помѣщеніе, хорошия декорации и много театральнаго имущества. Спектакли ставятся два раза въ недѣлю по самымъ дешевымъ цѣнамъ и дѣлаютъ полные сборы. Нѣкоторые любители положительно не безъ способностей и могли бы конкурировать съ профессиональ-

ными артистами, напр. г-жи Сабанская, Перестиани, Гадричевская, гг. Филатовъ, Ратнеръ и въ особенности Теохариди, особенно выдвинувшійся въ роли Чацкаго. Кружокъ имѣетъ свой оркестръ и своего режиссера, бывшего актера г. Ягеллова. Вообще дѣло идетъ недурно, но и тутъ большой тормазъ—разрѣшеніе къ постановкѣ пьесъ. Любители два мѣсяца готовили «Разбойниковъ» и не получили разрѣшенія отъ полиціи; то же самое случилось и съ «Горькой судьбиной», съ малорусской пьесой «Сто тысячъ», а сколько трудовъ стоило приготовить ихъ къ постановкѣ—и все пропало даромъ!.

На будущій сезонъ театръ сдастъ г. Синельникову, согласившемуся, наконецъ, на поставленныя городомъ условія. Группу г. Синельниковъ обѣщаетъ солидную, но пока еще неизвѣстно, изъ какихъ артистовъ она будетъ составлена. Извѣстно лишь, что на роли героинь приглашена г-жа Юрѣва, а ingénue—г-жа Синельникова.

Берковъ.

ПЕРМЬ. Истекшій оперный сезонъ (третій по счету) далъ вполне благоприятные для дирекціи результаты: были не только покрыты всѣ затраты по сезону, но за приобретениемъ въ пользу города новаго театрального имущества на 3.000 р., осталось 1.500 р. чистыхъ денегъ на покрытие затратъ отъ предыдущихъ оперныхъ сезоновъ. Репертуаръ прошедшаго сезона состоялъ изъ слѣдующихъ оперъ: «Жизнь за Царя» (4 раза), «Русланъ и Людмила» (4 раза), «Князь Игорь» (6 разъ), «Рогнеда» (3 раза), «Русалка» (4 раза), «Демонъ» (7 разъ), «Евгеній Онѣгинъ» (8 разъ), «Пиковая дама» (5 разъ), «Мазепа» (2 раза), «Снѣгурочка» (5 разъ), «Вражья сила» (2 раза), «Тангейзеръ» (2 раза), «Гугеноты» (4 раза), «Карменъ» (7 разъ), «Фаустъ» (4 раза), «Миньонъ» (3 раза), «Африканка» (4 раза), «Жидовка» (4 раза), «Аида» (5 разъ), Тра-

віата» (1 разъ), «Трубадуръ» (2 раза), «Отелло» (1 разъ), «Риголетто» (2 раза), «Баль-Маскарадъ» (2 раза), «Севильскій Цирюльникъ» (2 раза), «Паяцы» (2 раза), «Галька» (3 раза), «Самсонъ и Далила» (3 раза), «Фра-Дяволо» (2 раза). Вновь были поставлены: «Дубровскій» (7 разъ), «Пророкъ» (4 раза), «Ромео и Джульета» (6 разъ), «Донъ-Жуанъ» (2 раза). Составъ труппы былъ слѣдующій: драматическое сопрано—Джубелини-Ряднова, Асланова, лирическое—г-жа Мелодистъ, колоратурное—г-жа Тиманина, меццо-сопрано—г-жа Лидина-Томская; тенора гг. Ошустовичъ, Южинъ, Ильющенко, баритоны гг. Кругловъ, Евлаховъ, басы гг. Ильяшевичъ, Фильшинъ и Пушкаревъ. Дирижеръ г. Шпачекъ, режиссеръ г. Боголюбовъ, хормейстеръ г. Голинкинъ, суфлеръ г. Шастанъ.

На предстоящій зимній сезонъ Городская Дума подавляющимъ большинствомъ голосовъ рѣшила продолжать театральную антрепризу, съ гарантіею отъ общества на случай могущихъ быть убытковъ до 10 тысячъ. Думою избрана слѣдующая дирекція: присяжный повѣренный В. В. Грибель, докторъ медицины П. П. Шипилинъ и инженеръ-механикъ М. М. Гладышевъ. Режиссеромъ дирекціи пригласила Н. Н. Боголюбова, состоявшаго режиссеромъ три сезона при прежнихъ составахъ дирекціи, капельмейстеромъ М. М. Голинкина, воспитанника Варшавской консерваторіи. Въ предстоящемъ сезонѣ дирекція намѣрена поставить «Лоэнгина», «Опричниковъ», «Джюконду» и «Андре Шенье».

Редакторъ Я. Р. Кутель.

Издательница З. В. Тимоеева (Холмская).

О ВЪ Я В Л Е Н І Я .

Гор. АСХАБАДЪ, Закаспійской области

СДАЕТСЯ ВЪ АРЕНДУ

ВНОВЬ СТРОЮЩІЙСЯ

= ТЕАТРЪ =

въ Городскомъ саду.

Театръ строится въ отведенномъ для пользованія на 20 лѣтъ—единственнымъ въ городѣ саду. Театръ каменный, съ отопленіемъ для зимняго пользованія и съ приспособленіемъ электрической вентиляціи для лѣта.

По утвержденному плану театръ будетъ вмѣщать: 18 ложъ, партеръ на 300 человекъ и галерею на 200 человекъ, фойе и буфетъ.

Размѣры сцены 12 и 15 аршинъ.

Освѣщеніе электрическое какъ въ театрѣ, такъ равно и въ саду.

Строится театръ въ Асхабадѣ впервые.

Открытие театра обязательно 1-го Октября 1899 года.

Сданъ можетъ быть: на зимній сезонъ или на годъ (2 сезона).

Почтовый адресъ: *гор. Асхабадъ — Константину Михайловичу Федорову*, телеграфный: *Асхабадъ—Типографія Федорова.* № 230 (3—2).

ГЛИЦЕРИНОВОЕ

МЫЛО

НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.

Косметика А. ЭНГЛУНДА.

Для чистоты лица. Цѣна 50 коп.

Остерегаться поддѣлокъ. Требуется подпись **А. Энглундъ** красными чернилами. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

Чистота и Свежесть лица

Пуховка - Юности

КОСМЕТИКА В. ЛИПШЕ

Замѣняетъ лучшую пудру, пуховку, пудреницу и зеркало

Цулиндеръ № 3.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ ГОЛЛЕНДЕРА

ДЛЯ УНИЧТОЖЕНІЯ МОЗОЛЕЙ И БОРОДАВОКЪ.

Самыя застарѣлыя мозоли быстро излѣчиваются при употребленіи мозольной жидкости „Голлендера“, безъ малѣйшей боли. Цѣна флакона 35 коп.; за 1 рубль почтою высылаютъ въ Европейскую Россію 2 флакона.

Главный складъ. С. Петербургъ, Разъѣзжая, № 13.

Просимъ не смѣшивать съ другими жидкостями, ничего общаго съ нашими neighboringими.

217 (г.—3).

АЛЬДЕХИДЪ ВЛАДИО КРЕМЪ

Главный складъ въ Москвѣ

У В. КРЕМЕРЪ, ЧИЖОВСКОЕ ПОДЪЕЗДЪ

Малый флаконъ 60 к.

Больш. флаконъ 1 р.

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВЕЗДѢ.

Я. БЕККЕРЪ

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА:

Его Величества Императора Всероссийскаго
Его Величества Императора Австрійскаго
Его Величества Короля Шведскаго и Норвежскаго
Его Величества Короля Датскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ:

1893 г. ЧИКАГО — Дипломъ и медаль.

1894 г. АНТВЕРПЕНЪ — „Grand Prix“.

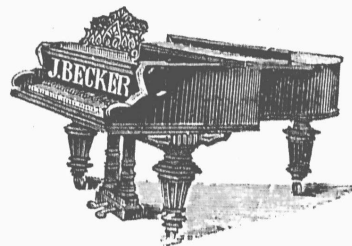
1896 г. НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ — Государственный гербъ.

1897 г. СТОКГОЛЬМЪ — Золотая медаль и Званіе

Поставщика Его Величества Короля Швеціи и Норвегіи.

Рояль отъ 600 руб.

Піанино отъ 450 руб.

Изобрѣтатель усовершенствованныхъ балалаекъ.

Скрипки, Альты, Віолончели и Контрабасы.
Гитары, Мандолины и Цитры.

Гитары отъ 2 руб. — Мандолины съ механикою отъ 4 руб.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ

БАЛАЛАЙКИ

Хроматическія съ 16-ю (и болѣе) ладами отъ 1 р. 50 к.

Балалайки, Контрабасы отъ 12 р.

Басы отъ 8 р.

Альтъ, Секунда и Теноръ отъ 4 р.

Дискантъ и Пиколо отъ 3 р.

Прима отъ 1 р. 50 к., 2 р. 50 к., 4,
6, 8, 10, 15, 20, 25, 35, 45, 60
и 75 руб.

Домры: малая отъ 10 р. до 35 р., аль-
товая отъ 15 до 50 р.

Вѣнскія цитры отъ 6 р.

Народныя цитры отъ 2 р. 75 к.

Гудокъ отъ 6 р.

Брелка отъ 4 р.

Школы и ноты для домръ и бала-
лакъ собственнаго изданія.

Струны самыя лучшія, для всѣхъ инстру-
ментовъ отъ 5 к., 10 к., 15 к. и 20 к.,
итальянскія 25 к., провѣрен-
ныя 30 к.

Скрипки отъ 1 р. до 200 р.

Смычки отъ 30 к. до 25 р.

Альты отъ 4 р.

Віолончели отъ 10 р.

Контрабасы отъ 25 р.

ПРЕИСТЪКУРАНТЬ БЕЗПЛАТНО.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ и въ РОЗНИЦУ.

С.-Петербургъ, Караванная ул., уголъ Большой Итальянской.

Усовершенствовавшій русскую народную балалайку.

Скрипичный мастеръ Ф. Пасербскій.

Гитарный мастеръ Ф. Пасербскій.